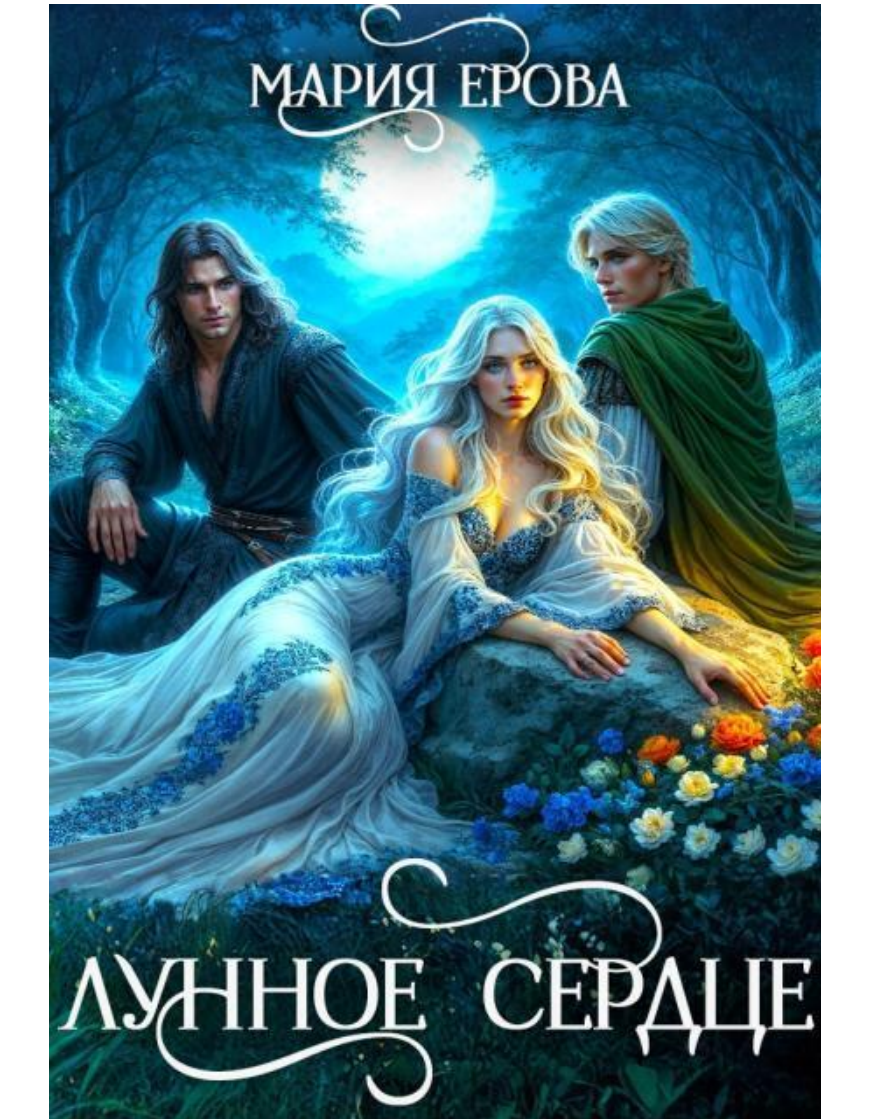

The book cover features a fantasy illustration of three characters in a forest at night. A woman with long, flowing blonde hair lies on a large rock in the center, wearing a white gown with blue floral patterns. To her left, a man with long dark hair sits in a dark green robe. To her right, another man with blonde hair sits wearing a green cloak. A large, bright full moon hangs in the background, casting a blue glow over the scene. The ground is covered with colorful flowers.

МАРИЯ ЕРОВА

ЛУННОЕ СЕРДЦЕ

Мария Ерова Лунное Сердце

<https://litres.ru/74205528>

Аннотация

Две легенды, два клана, два сердца... Одна любовь и одна беда... Тьма стущается над землями Явила – кто-то убивает влюблённых, похищая их сердца... И что делать, если именно сейчас чувства вспыхнули в Темире и Анрише неудержимым пламенем? Смогут ли они остановить эту Тьму и спасти друг друга от верной гибели?

#любовь_и_страсть
#элементы_славянского_фэнтези
#живые_мертвецы #люди_и_боги #ХЭ
#настоящий мужчина

#истинная_пара
#авторский_мир

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Люди Луны и Солнца. 1	13
2	17
3	19
4	21
5	24
6	27
7	31
8	37
9	39
10	45
11	49
12	51
13	53
14	58
15	62
16	65
17	67
18	69
19	71
20	77
21	81
22	85

23	88
24	90
25	93
26	96
27	99
28	103
29	106
30	108
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Пролог

«А тебе доводилось слышать легенду о том, как Солнце и Луна разошлись в небе и с тех пор не могут друг с другом встретиться?»

Думаю, нет. Поэтому слушай внимательно и ничего не упускай из вида.

Это случилось давно, ещё в те времена, когда боги жили среди людей и не скрывали ото всех, кто они такие. Мир и лад царили на земле, и не было ни печалей, ни бед, потому что Бессмертные помогали им во всём, обучали ремёслам, лечили болезни одним прикосновением божественных ладоней и поддерживали в душах людей благодатный огонь любви и веры.

И всех ближе к смертным были боги - Луна и Солнце, Селена и Рами, божественные неразлучные супруги, что своей добротой и безвозмездной помощью сыскали небывалую любовь и почитание, а так же служили образцом семьи, и многие равнялись на них.

Но наравне с любовью, наполнившей всех, в сердце одной девушки, красивой с лица, да чёрной душою, родилась зависть. Уж больно ей приглянулся Рами – супруг Селены, и Ильхе – так звали эту несчастную, захотелось заполучить его, чего бы ей это не стоило.

Она часто смотрелась в гладь воды озера, и сравнивала

себя с Селеной:

- И ничем я её не хуже, и кожа так же белая, и волос посебрён, и стан тонок, и голос чист. Хочу, чтобы Рами стал моим, забыв свою Селену!

Но сколько Ильхе не старалась обратить на себя внимание бога - Солнца, он и не думал смотреть в её сторону искренне любя свою супругу. И тогда она возвращалась к тому озеру, чтобы любоваться своей красотой и сетовать на жизнь.

Однажды её речь, обращённую к несправедливой судьбе, услышал злой бог Черновой. Он ненавидел добрых богов, ведь благодаря им на земле почти не осталось зла, но эта девушка оказалась просто удачей.

Черновой обернулся большой чёрной рыбой и подплыл к Ильхе, принеся ей в дар веточку обман-травы – не простой, а выращенной на вершине самой высокой горы, куда ещё не добрался ни один смертный, и куда только богам был ведом путь.

Девушка, выслушав его внимательно, с жадностью приняла этот дар, уже предвкушая, как распорядится им, и пошла навстречу своему выдуманному счастью, забыв даже произнести слова благодарности. Черновой же лишь посмеивался, довольный тем, как ловко сработал его хитрый план, и принялся ждать.

Ильхе, возвратившись домой, пробралась к себе и приготовила отвар из веточки, данной ей Черновеем. И, выпив его,

загадала своё желание.

«Иди к нему», - прозвучал в голове слащавый голос её «благодетеля». – «И ты увидишь, что он теперь принадлежит лишь тебе».

Ильхе так и сделала.

Казалось, Рами уже ждал её, потому как с порога их с Селеной жилища, тут же привлёк Ильхе к себе, и в тот вечер она разделила с ним ложе.

Так и застала их богиня вместе – её супруг и Ильхе спали в их общей кровати, обнажённые, в обнимку, и горю Селены не было предела. Голос её против воли вырвался скорбным плачем наружу, и Рами, очнувшись ото сна, вдруг прозрел, осознав, какую ошибку он совершил.

На коленях молил он о прощении, говоря, что видел в Ильхе Селену, но та не верила, впервые в жизни ощутив на себе предательство. Сердце её вмиг заледенело, вздрогнуло и вдруг рассыпалось на тысячи маленьких песчинок – переливающихся загадочным светом камушков, разлетевшихся по всей земле – не собрать.

Рассмеялась она недобрым смехом, словно теряя разум, и сказала, что отныне нет им двоим места на земле, и если Рами будет здесь, то ей придётся уйти на небо. И тотчас же, засветившись холодным серебряным светом, поднялась она ввысь, исчезая в ночи, и только свет её так и сиял на тёмном небосводе.

Не желая мириться с потерей, Рами, любящий муж, воз-

зрел на ту, что была причиной их разлада. Ильхе, стыдливо завернувшись в одеяло, со страхом и трепетом ждала его приговора. Откуда же ей было знать, что Черновой обманул её, и она стала желанной для бога Солнца, лишь на несколько часов приняв облик его возлюбленной Селены.

Гнев переполнял Рами, и он раскалится настолько, что вспыхнул ярким огнём, миг ослепившим Ильхе. Затем он вознёсся вслед за Селеной на небо, желая догнать её, но тому не суждено было случиться, ибо богиня – Луна этого не хотела. И с тех пор так повелось, вслед за ночью в мир приходил день, Солнце сменяло Луну на бескрайнем небосводе, но вместе их было не застать в вечной гонке Рами за своей возлюбленной Селеной.

А что же Ильхе, спросишь ты? Что стало с ней?

Ослепнув глазами, но, так и не прозрев душой, она поняла, какую ошибку совершила. Но так и не решилась рассказать обо всём людям. Лишившись покровительства богов, они начали чахнуть от болезней, враждовать и, в конце концов, разделились, потеряв былую мощь и силу.

Время шло, и, так и не узнав о первопричине, по которой боги покинули землю, они начали обвинять божественных супругов в своих напастях, утверждая, что те специально бросили их на верную гибель, желая таким образом развлечься. Кто-то обвинял одну только Селену, называя её вздорной бабой, покинувшей мужа в угоду прихоти. Они жаждали вернуть на землю Рами, и основали свой клан для

поклонения богу-Солнцу, назвав себя его Сынами, не доверяя женищинам ни один из ритуалов. Другие, напротив, обозлились на Рами, утверждая, что он предал свою любящую жену, а потому она ушла на небо, не в силах оставаться среди людей. Они стали звать себя дочерьями Луны, потому как главенство возымели у них женичины, открывшие в себе доселе незнакомую магию, неподвластную мужчинам.

Одна только Ильхе, и день, и ночь, живущая в обиде и страхе, будучи уже дряхлой слепой старухой, знала, с чего всё началось. И была бы рада забыть, да не могла, и только чёрная злоба всё копилась в её не знающей покоя душе. Богиня же, взирая с небес на землю безмолвно, и не стремясь к отмщению, только в смертный час снизошла к Ильхе, а может той просто почудилось, но голос Селены произнёс прямо над ухом: «Верни мне то, что навеки разбито. И будешь мной прощена».

Но рассмеялась дряхлая Ильхе беззубым старушечьим ртом, воскликнув:

- Никогда! Никогда, Селена! И пусть Рами не стал моим, но и твоим ему не бывать! Не вернуть тебе своё сердце, разбитое на тысячи кусочков! И раз вы до сих пор не вместе, то, чую, не всё подвластно и богам! И раз мне не удалось испытать в жизни счастья, то и ты будь несчастна в своём бессмертии!

И с этими словами Ильхе, оставив брненное тело, превратилась в злобный дух Иллуны, что испокон веков рассори-

вал влюблённых по всей земле и мешал их счастью.

Прислужница же Ильхе, будучи верной Селене девою и подслушав весь разговор, рассказала обо всё своим сёстрам.

И, правда то было или нет, только лунные жрицы с тех пор собирают по песчинке рассыпавшееся сердце Селены, и складывают его в хрустальную чашу в потаённом от глаз людских месте, надеясь однажды вновь увидеть среди живущих свою покровительницу и вручить ей собранное по камешку разбитое сердце».

Темира открыла глаза, припомнив эту старинную легенду, которую не одну сотню раз рассказывала ей перед сном бабушка, укачивая её в мягкой и уютной колыбели. Словно очнувшись ото сна, девушка вдруг осознала, что совсем не помнит, что происходило с ней до этого мига. Только близкий круг жриц, да слова Верховной Матери, сплетавшие заклинание...

Синий огонь плясал в Круге Луны, начерченном посередине Храма Луны, что был сокрыт от посторонних глаз магией дочерей Селены. Стены его были высоки и прочны, но прозрачны – так, всякий находящийся внутри видел всё, что творится снаружи. Но тот, кто попытался бы узреть Храм извне, не увидел бы никого и ничего. Он был светом и тьмой, началом и концом пути каждой из стоявших здесь жриц, молчаливо внемлющих своей серебряной богине, что сейчас безмолвно смотрела на них с небес, но щедро питала их сво-

их даром – способностью к магии, возвышающей над обычными смертными.

Но главным его сокровищем был Алтарь – высокий монумент из горного хрусталя, что пылал тем же синим магическим огнём. И в центре его стояла огромная серебряная чаша, наполовину полная ортоклазами – лунными камнями, игриво переливающимися в том свете.

Лиц девушек было не разглядеть, и не только благодаря полуночной тьме, которую волшебный огонь почти не разбавлял – свет его был мягок, серебрист. Каждая из жриц была одета в длинную серую мантию из тонкой кожи, с капюшоном, что скрывал, какие бы то ни было, различия черт лица, и все они казались похожими, даже одинаковыми.

Верховная Мать взмахнула рукой, и жрицы взяли за руки, образуя Живой Круг. Магия, почувствовав единение живой плоти, радостно затрепетала, и понеслась по телам своих носительниц, наполняя каждую из них неяркой волшебной субстанцией, мягкой и холодной. В тот же момент, наполнившись до краёв, каждая из них ощущала небывалый прилив сил, и глаза жриц вспыхивали тем же синим огнём, что плясал в Круге Луны...

Завершив ритуал, девушки запели прощальную песню, слегка покачиваясь в такт своим голосам и воздев руки к небу.

Стены Храма поплыли, начали исчезать и вскоре растворились, став невидимыми, неосязаемыми.

Луна же оставалась безмолвной и почти равнодушной в бесконечной звёздной вышине. Но дар её сослужит добрую службу своим дочерям, ведь магии, полученной ими в эту ночь, должно хватить каждой из Дев Селены на целый месяц, до следующего полнолуния.

Часть первая. Люди Луны и Солнца. 1

Темира устало разогнула затёкшую спину, прижав к груди охапку хвороста, собранного ей в лесу. Близилась осень, и бессонные ночи давались ей всё труднее, ведь дневное светило с каждым днём вставало всё позже и позже, и становилось холоднее.

Но сейчас девушке было очень жарко, потому как любая работа разгоняла кровь, и она просто мечтала хотя бы расстегнуть плотный жилет из грубой выделанной кожи, одетый прямо на полотняную тунику с длинным рукавом. Однако нужно было терпеть до дома. Или хотя бы до реки.

Её ноги, облачённые в облегающие чулки и лёгкие замшевые сапожки, мягко ступали по начинавшей жухнуть траве, а потом по берегу столь желанной реки, из которой девушке не терпелось напиться. И она, положив свою охапку на берег, с жадностью склонилась к воде, зачерпнув полные ладони живительной влаги.

Утолив жажду и умывшись холодной водой, Темира не спешила уходить, хотя знала, что ей уже пора возвращаться. Но усталость брала своё, и девушке захотелось ещё немного отдохнуть, отчего она стала разглядывать своё лицо в серой мрачной реке – отражении раннего хмурого неба.

Темира была не высокой по меркам её деревни – не больше двух аршинов да пяти вершков, худенькой да не броской, беловолосой, как все женщины их селения, с густым едва выющим волосом, прозрачной белой кожей и тёмно-зелёными большими глазами. Маленький нос смешно был вздёрнут кверху, а тёмные брови вразлёт придавали юному, почти детскому личику, немного строгости.

«Красавица» - восхищалась бабушка, иной раз заглядевшись на неё, но Темира знала: до «красавицы» ей далеко.

То ли дело Сапфира, одна из её сверстниц, вот та была настоящей красавицей. Почему-то, когда речь заходила о красоте, именно она приходила на ум девушке. Сапфира была старше Темиры всего на двадцать четыре Луны, но уже расцвела как девушка в полной мере. Высокая, гибкая, с белыми волнистыми волосами и правильными чертами идеального лица, высокими скулами и глазами цвета драгоценного камня, имя которого носила. Ей все восхищались и все тайком завидовали, даже её самые близкие подруги, сама же Сапфира принимала свою красоту и положение как должное, и явно знала себе цену.

Эти раздумья только расстроили Темиру, и вместо того, чтобы отдохнуть и привести мысли в порядок, девушка расстроилась, и чела её коснулась тень уныния.

Но деваться некуда, надо было идти дальше. Ещё раз напиться воды, и отправиться в путь...

Темира вновь склонилась над гладкой серостью реки, за-

черпнула в ладонь воды, и потянула её к губам, как внимание её вдруг привлёк странный силуэт в глубине речушки.

Солнце как будто невзначай блеснуло в тот миг, выглянув из-за туч, и луч его, как ножом, полоснул неспешную толщу воды, выхватив разбухшее лицо с широко раскрытыми невидящими глазами мертвеца. Длинные волосы молодого мужчины тянулись кверху, колыхаясь в такт спокойному течению реки, а вспоротая грудь покойника была полна некрупных булыжников, не дающих всплыть изуродованному телу. На шее же мертвеца, поймав слабый лучик солнца, поблёскивал тяжёлый железный медальон с выбитым на нём символом утреннего светила.

Возможно, девушке это показалось, но внезапно изо рта мертвеца вырвались пузыри, и он, хватая руками воду, начал стремительно подниматься на поверхность.

Зажав рот рукой, Темира всё же не смогла сдержать крик, и лёгкие её болезненно сжались спазмом под воздействием ужасающего происшествия.

Забыв и про хворост, и про всё остальное, девушка бросилась со всех ног в сторону родной деревни, чтобы сообщить страшную новость и справиться с почти поглотившим её страхом.

Темира не помнила, как добралась до дома, забежала внутрь жилища и, хлопнув за собой тяжелую дубовую дверь, опустилась на пол, с трудом переводя дыхание.

Всю дорогу ей чудилось, что тот мертвец преследует её,

догоняя, и до сих пор ей слышался его страшный утробный голос: «Отдай моё сердце, ведьма!»

Утро в охотничьем поселении не заладилось сразу. Ночь была тихой, но бессонной, и Анриш, наточивая лезвие своего боевого короткого меча, откровенно зевал, и сумел уже два раза порезаться.

Несильно, но отец всё равно укорит его этим промахом, если узнает. Хорошо, что он был занят сейчас другими делами, коих у старейшины клана всегда было невпроворот. И, возможно, молодому охотнику удастся скрыть свежие раны до поры до времени.

Анриш был младшим сыном в семье старейшины, но волею судьбы, остался единственным. Два его старших брата погибли: один в нечестной драке с кочующими переселенцами, другой во время охоты на медведя. Свирепый зверь разорвал молодого охотника на части на глазах у всех, кто тогда принимал участие в охоте, и с его смертью, казалось, сердце старейшины совсем очерствело.

Анриша он не любил. Или любил, но не настолько, чтобы воспринимать всерьёз, ведь он всегда был не больше, чем последышем после двух сильных старших братьев-воинов, которых отец сам лично учил и воспитывал. Младший же был тем, кто своим появлением на свет отнял жизнь его любимой жены Вестины. И, может быть, именно поэтому мальчик никогда не ощущал на себе проявлений отцовской любви.

Но жизнь внесла свои коррективы в их и без того непростые отношения. И Келберу, отцу Анриша, пришлось, скрипя зубами, взяться за подготовку сына к принятию власти, ведь кроме него других наследников у старейшины больше не было.

- Анриш!

Громкий голос друга выдернул его из не лучших размышлений, и он на автомате спрятал израненную руку за спину. Но тот даже не обратил на это никакого внимания. Вид парня был бледен, и даже встревожен. И он продолжил:

- Прибыл гонец от лунных. В их речке Русянке нашли тело Гойда. Его убили, брат. Пойдём, тебя ждёт отец.

Темира, не шевелясь, лежала в своей постели, пытаясь уснуть. Страх, прилипший к ней вчера, у реки, не оставлял её ни на минуту. Девушке то и дело мерещилось разбухшее от воды лицо незнакомого мужчины, а каждый шорох она принимала за посягательство на свою жизнь со стороны покойника, и это порядком выматывало.

Конечно же, в действительности Темиру никто не преследовал. После того, как она рассказала о случившемся своей бабушке, та сразу же доложила старейшине, и он собрал людей, чтобы достать тело из воды и, по возможности, опознать.

Темире пришлось идти с ними в качестве проводника. Слава Селене, её не просили подходить близко, лишь указать место, где она увидела свою страшную находку. Его было легко найти – охалка хвоста всё так же лежала на берегу. Как и тело в воде – благо, оно никуда не делось...

... Страшные воспоминания гнали сон прочь. Темира прислушалась: на другой кровати, в противоположном конце комнаты, мерно похрапывала бабушка. Вот кого не волновало изуродованное тело, найденное в воде – покойников на своём веку она повидала. Девушке же так страшно не было никогда в жизни.

Но личные переживания не должны были мешать её обязанностям жрицы Серебряной. Верховная Мать ясно дала ей

понять, что недовольна девушкой – слишком медленно та продвигалась по нелёгкому пути служительницы Селены. Но кто же был виноват, что даже просто уснуть ей пока не удавалось.

Конное войско из двадцати всадников вошло в их поселение рано утром, на рассвете, нарочито медленно, вальяжно, а золотые медальоны с изображением солнца сверкали на груди каждого из мужчин, показывая их принадлежность к своему клану.

Их встречал старейшина Лунной деревни, со своими людьми, правда, пешими, но тоже при оружии. Надо сказать, воинской славой люди Луны никогда не обладали. Их силой была магия, да и то принадлежавшая только избранным – дочерям Селены, как правило, исключительно женщинам со светлыми волосами, в коих Верховная Мать могла распознать эту способность, едва младенцем та или иная девочка появлялась на свет. Но возвращать и развивать эту искру она начинала не раньше, чем пройдет восемнадцать полных Лун, что в других поселениях называлось «годами».

Жрецы Солнца же, напротив, были исключительно мужчинами. Исторически этот накладывало свой отпечаток на взаимоотношения двух кланов, в прошлом они даже враждовали, но сейчас поддерживали пусть натянутые, но мирные отношения.

Но то, что один из Сынов Солнца был найден убитым именно на территории поклонников Селены, могло разрушить хрупкий мир двух поселений.

Именно поэтому старейшина лунных почитателей как можно скорее сообщил о страшной находке людям Солнца, и лично встречал их старейшину, чтобы заверить, что он и его народ здесь не причём.

- Приветствую тебя, Келбер! – Начал он свою речь, осторожно наблюдая за всадниками. Кто же мог предположить, как ониотреагируют на вестъ об убитом брате. При любом раскладе, конных было больше, а об их умениях в бою ходили легенды.

- И я тебя приветствую, Таргон. – Слегка склонив голову, поздоровался старейшина лунных. Нет, он был не дураком, чтобы начинать войну, не разобравшись. К тому же, солнечные тоже были наслышаны о магии лунных людей. И кто знает, чем бы закончилась эта стычка...

Убедившись в добрых намерениях относительно друг друга, представители двух кланов, объединившись, направились к *Латрапису* – общинному залу, большому просторному дому из брёвен, не разделённому на комнаты, где обычно происходили собрания и переговоры.

Там, сев за уже накрытые снedyю столы, уставшие с дороги всадники, тут же принялись утолять голод нехитрой, но сытной пищей. Старейшины же, уединившись за отдельный стол, принялись обсуждать случившееся.

- Скажи мне, Таргон, как могло случиться так, что сильный, обученный военному мастерству, воин, был столь жестоко убит на твоей территории? Отвечай, но знай: ложь я

распознаю за версту. Поэтому в твоих интересах говорить только правду.

Старейшина лунных занервничал. В действительности, он ведь и впрямь не был причастен к убийству Сына Солнца. Но вот как убедить в этом Келбера? Задача не из лёгких...

И он пустился в недолгий, но монотонный рассказ о том, как всё было. В конце концов, здесь и рассказывать-то было не о чем. Раннее утро, визит старой Аркелы, повествующей о том, что приключилось с её внучкой на реке, а после...

- Я хочу видеть ту девчонку, что обнаружила тело Гойда в реке. – Выслушав рассказ до конца, сообщил Келбер тоном, не терпящим возражений. – Немедленно.

Темира проснулась от того, что бабушка неистово трясла её за плечи.

- Вставай, живая? Фух...

Старая Аркела утёрла выступивший пот со лба. Девушка непонимающе уставилась на неё, ещё не до конца придя в себя.

- Что случилось, бабушка? На тебе лица нет...

- Я десять минут разбудить тебя не могла, думала уж померла... Старейшина за тобой послал, одевайся...

Сердце Темиры сжалось в неприятном предчувствии, и остатки сна как рукой сняло.

- Зачем?

Бабушка мялась, явно нервничая.

- Там эти... солнечные прибыли, за своим мертвяком... с тобой хотят поговорить.

- Я не пойду! – Запаниковала девушка, испугавшись.

- А ну как село сожгут да всех переубивают?! Пойдём, Темирушка, я рядом буду... Авось ничего...

Девушка знала, что с бабкой спорить бесполезно. Да и права она была, надо идти. Не даст старейшина её в обиду, да и ничего плохого она не сделала. А вот если послушается и не придёт, мало ли, что подумать могут. И ладно, если только подумать.

И она, крепко стиснув зубы, уверенно откинула одеяло в сторону.

Собрав крайние пряди светлых волос, и заплетя их в тугую косу поверх остальных, вольной волной рассыпавшихся по спине, Темира надела длинное простое платье из грубой холстины и сверху свою накидку из шкур бурых лисиц.

Утренний воздух был свеж и если бы не обстоятельства, вынудившие девушку покинуть духоту родного дома в столь ранний час, Темира, пожалуй, обрадовалась бы оказаться на улице.

Бабушка шла следом, едва поспевая за мягко ступавшей по сонной земле внучкой, гордо выпрямившей спину и поднявшей голову. Как будто на судилище её вели, ей богу. Да одного взгляда на неё хватит понять, что девчонка тут не причём. Куда такой щепке справиться с настоящим воином! Пусть и магичке...

В таких размышлениях и полном молчании добрались они до Латрапиуса. Охрана у двери, бессловесно пропустила вглубь зала Темиру, но тут же закрыла проход перед её бабушкой – мол, не положено, и та, нервно подёргивая пальцами краешки своего платка, осталась снаружи.

Девушка, замешкавшись, хотела тоже повернуть назад, но бабка на неё прикрикнула:

- Иди, иди же! Я здесь подожду, ну же...

И Темира, плотно сжав губы, ступила на всеобщее обо-

зрение своих и чужаков, и с её появлением в зале воцарилось молчание. Все повернули головы в её сторону.

Анриш был сам не свой с того самого мига, как узнал о смерти одного из самых лучших воинов своей общины. Тот факт, что Гойд погиб, не укладывался в его голове. Да ладно бы, если в бою или на охоте, нет! Его убили, подло утопив тело, набитое камнями, наверняка надеясь тем самым сокрыть улики.

Старейшина лунных был предельно вежлив и осторожен, но его отца было не провести. Гойд пропал несколько недель назад, а может быть, был отослан по какому-либо заданию – Анриш этого не знал. Они не были друзьями или даже приятелями в силу возраста, сыну Келбера только исполнилось двадцать, Гойд же был старше его лет на восемь и уже подходил к тому возрасту, когда обязанность обзаводиться семьёй вступала в силу. Это значило, мужчине, хотел он того или нет, надлежало жениться и продолжить свой род в честь и славу Сыновей Солнца. Если же он отказывался по каким либо причинам делать это, то рисковал потерять статус в общине, а значит, лишиться её покровительства. Понятно, что такая перспектива мало кого устраивала, и мужчины стремились найти себе подходящую жену, чтобы обзавестись здоровым потомством.

Возможно, Гойд появился в селении лунных именно за этим. Но что тогда могло произойти?

Анриш не знал и терялся в догадках.

Вторая причина, по которой молодой охотник испытывал тревогу, были слухи, ходившие о поселении лунных. «Ведьмы» - сплевывали под ноги себе старшие, едва речь заходила об этом, но самому Анришу раньше не доводилось здесь бывать. А потому естественный интерес граничил с опасением за свою жизнь. И когда отец послал за одной из них – лунных жриц – Анриш стал самым вниманием в предвкушении этой встречи.

Она появилась в огромном зале вполне ожидаемо, и всё же неожиданно, притянув к себе внимание всех мужчин, находящихся здесь. Первое, что бросилось в глаза Анришу – длинные светлые, почти белые волосы, отливающие серебром, вольно рассыпавшиеся по скромному одеянию девушки – простой накидке из шкур, скрывающей и согревающей хрупкое девичье тело.

Девушка была растеряна, если не сказать напугана. Её взгляд заметался по залу, незнакомым лица, и Анриш, проникнувшись сочувствием к юной жрице, попытался отвести взгляд в сторону, чтобы не смущать её ещё больше, но... Что-то мешало ему это сделать. А когда и она взглянула на него, и их взгляды пересеклись в одной точке пространства, замерев на секунду, охотник едва смог сдержаться, чтобы не шагнуть ей навстречу.

...Искрящиеся дивным светом глаза блеснули в ночи, преисполненные желания и радости. Руки подобно рыбам очень

нежно, но настойчиво вошли в гладь океана белых волос, а щёки ощутили обратное прикосновение, от которого мурашками покрылось тело, а едва сдерживаемый стон вырвался наружу, повторённый нежными устами возлюбленной...

Анриш едва не задохнулся от внезапности видения, что едва не лишило его возможности стоять на ногах. Раньше он никогда не испытывал ничего подобного, да и с женщиной быть ему не доводилось. Неужели, всё это проделки вошедшей «ведьмы»? Но тут же он устыдился собственных мыслей.

Жрица быстро отвела взгляд, сбитая с толку излишним вниманием к своей персоне, к которому, вероятно не была привыкшей. «Никакая не ведьма – просто напуганная девочка, да к тому же очень хорошенькая» - услышал парень в голове собственные мысли. А вот взгляд отца, обращённый на юную жрицу, ему совершенно не понравился.

Келбер смотрел с прищуром, подозревая и одновременно испытывая свою «жертву» – а иначе девушку сейчас и назвать было нельзя. Грозный, с лицом, изломанным шрамами, наполовину спрятанными густой тёмной бородой, пронизанной сединой, как и некогда смоляные волосы на голове, старейшина солнечных не создавал впечатление мягкого, доброго человека. Напротив, он был суров, и высокий рост в три аршина только добавлял Келберу строгости, и вид его был донельзя непреклонен.

- Смотри на меня! – Громко приказал он Темире, что с завидным упорством изучала пол Латрапиуса, только бы не смотреть в глаза этого страшного во всех смыслах человека. От него так и веяло холодом и неприязнью.

Таргон, старейшина лунных, не вмешивался, предпочтя пустить дело на самотёк. Но, к достоинству девушки, она всё же смогла пересилить себя, и два зелёных озера поднялись навстречу жаждущего выяснить правду мужчине. И тогда Келбер продолжил.

- Скажи, жрица, ты знаешь, что случилось с нашим братом? Кто его погубил?

Темира отрицательно качнула головой, не отводя взгляда, и на этот раз старейшина солнечных ей почти поверил. Но не до конца. Как и девушка, не сводя с неё внимательных глаз, он обратился к Таргону:

- Прикажи доставить сюда тело Гойда. Я хочу его увидеть.

- Боюсь, тебе не понравится... - Начал вилять тот, представляя, что сейчас начнётся. – Тело находится в стадии разложения, и я считаю не лучшей идеей...

- Ничего. Мы выдержим. – Стальным голосом заверил его Келбер. – Приказывай.

Тяжёлый ящик, служивший гробом для весомого мертвеца, с трудом несли несколько мужчин лунной общины. Он поскрипывал на добротных цепях, в зловещей тишине затаивших дыхание встречающих, и Темира боялась дышать, боялась ещё раз увидеть жуткого покойника, наштипованного булыжниками, потому как чуяла: он здесь не к добру.

Смрадный запах разлагающегося тела ударил в нос, но девушка и не думала защищаться от него, напуганная предстоящей «встречей». И вот мужчины водрузили гроб на несколько стульев посредине Латрапиуса, чтобы всем было хорошо видно того, кто в нём лежит.

- Подойди, дитя. – Эта просьба, обращённая к Темире, прозвучала вовсе не как просьба. Скорее приказ, и девушка побоялась послушаться, сделав неуверенный шаг к гробу.

Но и сам Келбер подошёл ближе, уставившись на того, кто был членом его общины всего несколько дней тому назад. Другие братья тоже поспешили за своим предводителем, и Анриш, не желая оставаться в стороне, пробрался к тому месту, где стояла ни жива, ни мертва Темира. Ему отчего-то очень хотелось быть к ней ближе, и даже столь непосредственная близость мертвеца не отбивала этого желания.

Девушка же, не отрываясь, смотрела на мертвяка.

Гойд стал ещё страшнее, непригляднее. Кожные покро-

вы его естественно потемнели, став багровыми, синюшными, закрытые плоскими камнями глаза создавали впечатление одетой маски, что только придавало ему ещё более ужасающего флера. А на торчащих осколках ребер копошились какие-то насекомые. Темира застыла, как вкопанная, не в силах сдвинуться с места, её воображение слишком уж разыгралось, рисуя ужасающие картины, как вдруг...

Багровая длань покойника схватила девушку за запястье, потянув на себя. Не удержавшись на ногах, она рухнула прямо в гроб, понимая, что ей конец.

- Отдай... моё... сердце! – Утробно завопил он, и перед глазами Темиры всё поплыло. И она потеряла сознание.

Чего Анриш не мог ожидать, так это то, что его безвременно почивший брат по клану Гойд надумает вскочить из гроба. Да не просто вскочить, а для начала вусмерть напугать несчастную девчонку-жрицу, схватив её за тонкую белую руку, и потянуть на себя.

Испугаться он не успел, потому как инстинкт тут же заставил его выхватить хорошо наточенный меч и со всего размаха рубануть по давно остывшей заостенелой конечности, отсекая её. Но девушка, уже будучи в беспамятстве, не могла подняться сама, и тогда молодой воин подхватил её на руки, спешно относя в сторону от гроба, и от внезапно ожившего мертвеца.

Другие же воины, последовав его примеру и выхватив ме-

чи из ножен, были начеку, и не зря. Потеряв свою «добычу», да в придачу ещё и руку, тело мертвеца резко дёрнулось, затем резво подскочило, оказавшись в вертикальном положении, и, выставив перед собой руки, начало бросаться на всех подряд. Камни с грохотом высыпались из распоротой груди на пол, а невидящие глаза, подернутые мутными бельмами, источали настоящую злобу.

- Всем приготовиться! – Крикнул Келбер, но все и так приняли боевую стойку, готовые отразить нападение.

Несмотря на свою гибель, Гойд оказался весьма увертливым и сильным, бывшие его братья по ордену наступали по одному, боясь нечаянно задеть своих. Лунные же даже не пытались вмешиваться, поражённо уставившись на живой труп, не в силах поверить в это и вполне не напрасно опасаясь за свою жизнь.

Но мертвяк не чувствовал боли. Он безбоязненно бросался на своих, и уже сшиб двоих с ног, размахивая целой рукой и культей, и с каждым оказанным сопротивлением его агрессия только возрастала.

Тогда Келбер пошёл в атаку, разъярившись не на шутку, и, вонзив в разодранную грудь мертвяка свой меч, он вдруг почувствовал, что земля уходит из-под ног. Это мертвяк, железной хваткой вцепившись в его горло, поднял его в воздух, продолжая душить, и старейшина практически не мог ему сопротивляться.

Внезапно действие нарушил громкий женский голос, про-

износящий какое-то заклинание, и все машинально повернули головы в сторону стремительно вошедшей и приближающейся к ним женщине в длинном сером одеянии.

Светловолосая, высокая, статная Верховная Мать, вытянув руку в сторону ожившего трупа, воздействием едва видимой силы, выражающейся в синих вихревых потоках, бесстрашно шла на него. Гойд взревел, но его хватка ослабла, и Келбер, схватившись за горло, рухнул на пол. Мертвяк же попытался двигаться в направлении жрицы, но словно завяз в невидимых для всех сетях, и, постепенно ослабнув, опустился сначала на колени, затем повалился весь, и замер.

Некоторое время все с тревогой наблюдали за ним, но тот более не шевелился, и Верховная Мать рискнула подойти ближе, чтобы толкнуть его носком сапога.

- Мелисса, - прохрипел, поднимаясь на ноги, Келбер, с недоверием косясь на свою спасительницу, с которой был явно знаком.

Та, недовольно откинув белые спутанные волосы назад, горделиво вскинула голову.

- Какое право ты имел притащить сюда одну из моих жриц, без моего ведома? – Прошипела она, сверкнув удивительно синими глазами, наполненными живой энергией, плескавшейся в них.

- Лучше ответь, каким образом одна из твоих девчонок смогла оживить то, что давно мертво?! – Не оставаясь в долгу, произнёс в ответ Келбер.

Они оба, не сговариваясь, вернулись взглядами к телу Гойда, всё так же неподвижно лежавшему у их ног.

- Она полна магии. Лунной магии! – Вновь завелась Мелисса. – И наш клан не виновен в смерти вашего воина, Келбер. И мой тебе совет: сожгите его как можно скорее, пока кто-нибудь ещё не вздумал поделиться с ним своей силой, только уже осознанно. Таргон!

Старейшина лунных подскочил к ней так быстро, как только мог. Из этого жеста сразу стало понятным, кто на самом деле заправляет в их клане. Хотя ведь это и так было известно: лунные лишь на словах признавали главенство мужчин. Но все важные и ответственные решения у них всегда принимали женщины.

- Распорядись сложить костёр, время не ждёт!

- Но мы хотели отдать почести нашему брату на родине, по возвращении! – Запротестовал Келбер, но Мелисса тут же остановила его, подняв указательный палец вверх.

-Я остановила его... на время. – Благоразумно произнесла она, словно извиняясь. – Но, к сожалению, моя магия не всесильна. И кто знает, что может произойти, не окажись я рядом. Подумай, Келбер. Готов ли ты рисковать своими людьми, ради традиций и почестей. Готов ли ты рисковать своим последним сыном?

На последнем вопросе, заданном жрицей, её рот скривился в плохо сдерживаемой полуулыбке. Келбер же побледнел, стиснув зубы. Но эта чёртова ведьма была права. Как же ему

не хотелось этого признавать.

- Так... что? – Не выдержав долгого молчания, занервничал старейшина лунных.

- Готовь костёр. – Процедил Келбер. – Раз такова воля Рами, покончим с этим здесь и сейчас...

Темира очнулась совершенно неожиданно, не понимая, что с ней произошло и как она оказалась... Где?! Кто-то нёс её на руках, бережно прижимая к тёплой широкой груди. И первое, что бросилось ей в глаза – медальон-солнце. Память тут же выхватила последний обрывок воспоминаний, страх сковал всё тело, потому как подумала она, что мертвяк тащит её непонятно куда, но нет! Хвала Селене, это был один из Сынов Солнца, с таким же медальоном на груди, как и у взбесившегося покойника.

Но куда он её несёт? И – зачем?!

Заёрзав в беспокойном предчувствии, девушка тут же услышала приятный успокаивающий голос:

- Тише, тише... Всё хорошо...

Темира взглянула в лицо своему спасителю, и краска тут же выступила на её щеках. Молодой, хорош собой, со светлыми волосами, доходившими до подбородка, который едва узнал, что такое бритва. А в больших серых глазах, внимательно изучающих её в ответ, такая теплота и нежность, что не только щёки, всю её бросило в жар, так, что стало даже слишком огненно...

Их зрительную идиллию прервало оханье старой Аркелы, воззревшей на внучку в подобном состоянии:

- Замучили, погубили, извели! – Запричитала она, едва не

с кулаками бросаясь на молодого охотника, нёсшего на руках её внучку.

- Бабушка, перестань! – Шикнула на неё Темира, повернув голову. – Живая я! Что ты с утра меня хоронишь?!

Не желая участвовать в разборках внучки и бабуки, Анриш осторожно поставил девушка на землю, намереваясь вернуться в зал.

Но дорогу ему преградила невесть откуда взявшаяся женщина в длинном сером одеянии.

- Ты останешься здесь, с девчонкой! Береги её как своё око, а иначе... – Не терпящим возражения тоном произнесла она, не договорив.

Но Анриш и возразить ничего не успел, как та, словно ветер, понеслась в Латрапиус.

- Кто это? – Только и спросил он у Темиры, кажется, не обидевшись на резкость незнакомки.

- Верховная Мать. – Вновь покраснев, отозвалась девушка, боясь и взглядом с ним встретится, тем более в присутствии своей бабуки. Как-то уж слишком странно на неё воздействовал этот молодой воин...

Языки пламени взвились вверх как голодные ядовитые змеи, разукрасив темноту в тона и полутона, зловеще шипя и поедая тело усопшего Сына Солнца. Обряд всё-таки пришлось отложить до позднего вечера, потому как по традициям солнечных, членов их клана следовало провожать с последним лучом солнца, чтобы Рами как следует позаботился о распрощавшейся с телом душой и забрал ей с собой в небесные чертоги.

Братья были молчаливы, всё ещё находясь под впечатлением от произошедшего днём события. И все были начеку, зная, что оно может повториться, а потому все как один держали руку на рукояти мечей.

Благо, и лунные жрицы присутствовали здесь, и, пожалуй, для молодых воинов это слегка разряжало обстановку – они с интересом наблюдали за юными девами, облаченными в длинные серые мантии. Но и Верховная Мать зорко следила за всем происходящим, и подойти к девицам, по крайней мере, сейчас не представлялось возможным.

Старейшины обоих кланов стояли в стороне, Келбер сетуя про себя, что Жреца Солнца с ними не было – это ведь именно он должен был руководить обрядом, а Таргон молясь, чтобы эти солнечные поскорее завершили своё дело и убрались восвояси. Но внешне оба были спокойны, хмуры и

сосредоточены.

Наблюдая же за происходящим действием, Анриш места себе не находил, памятуя о недавнем... Нет, даже то, что Гойд, которому положено было как всякому мертвецу спокойно лежать в гробу, вскочил из него живёхонько, не поразило его так, как видение, возникшее перед его глазами при лицезрении юной жрицы. Как искра, высеченная из камня, зародилась при соприкосновении их взглядов, напомнив о... Напомнив! Но ведь они и знакомы-то не были! Хотя сердце упрямо подсказывало другое. Словно в том видении он видел себя и Темиру со стороны. Словно это они, задыхаясь от счастья в объятиях друг друга, наслаждались вполне естественным процессом, происходившим между мужчиной и женщиной...

Анриш упрямо выискивал её глазами в толпе казавшихся одинаковыми Дочерей Селены. Капюшоны на их мантиях были сильно спущены на глаза, и только Верховная Мать стояла сейчас с неприкрытой головой, гордо задрав белокурую голову. И, кажется, то и дело смотрела в его сторону, не отрываясь... Вот эта точно была ведьмой! Самой настоящей...

Темира, возвратившись после всего случившегося домой, не понимала сама себя. Кажется, её должен был волновать взбесившийся труп найденного ей охотника. Ведь это было так ужасно. Страшно. Противоестественно. Но... Почему-то

её более волновали тёплые серые глаза его живого собрата, что героически спас её от мертвеца и вынес на руках из Ла-трапиуса.

И ещё... Видение. Ей точно не пригрезилось? Должно быть, нервная обстановка сделала своё дело. Но почему она вдруг, словно увидев себя со стороны, побывала в жарких объятиях человека, которого видела первый раз в жизни? Это точно был он, и она поклясться могла, что помнит, насколько жарки могут быть его губы, сильны руки и горяча кожа. Она словно уже занималась с ним любовью, хотя и понятия не имела, как это происходит в реальности.

Идти на ритуал прощания с покойником девушке совершенно не хотелось. Но приказ Верховной Матери не подлежал обсуждению, и Темира, вновь примерив на себя мантию жрицы, отправилась к указанному месту в сопровождении других жриц.

Бабушка тоже не обрадовалась, но и её слово против слова Верховной Матери ничего не значило, и Темире всё равно пришлось идти.

Он уже был там. Хоть что-то хорошее... И сердце радостно заплесало в груди при виде молодого парня, облачённого в кожаные доспехи, высокого, статного, с широкой спиной и сильными руками. Темира засмотрелась, с приятным благоговением вспоминая, как эти самые руки держали её над землёй.

Анриш тоже смотрел в её сторону, явно нервничая. Вер-

нее, в *их* сторону – в этих мантиях девушек было не различить. Возможно, это было к лучшему, ведь теперь Темира могла спокойно за ним наблюдать, не выдавая себя.

Стемнело, и костер запылал в ночи, избавляя девушку от липкого страха, что хоть и отошёл на второй план, но никуда не исчез. Сейчас тело убитого охотника превратится в золу, и она сможет спокойно спать, не ожидая преследования. И больше никто её не побеспокоит. Жаль только, что братья мертвяка вскоре покинут их селение, и она, возможно, больше никогда не увидит того красавчика, что все глаза просмотрел, пялясь в сторону Дочерей Селены. Ей так хотелось думать, что охотник среди стайки серых мантий, пытается отыскать глазами именно её, и никого более.

Но словно в ответ на мысли Темиры, до девушки донёсся голос Таргона, обращённый к старейшине солнечных.

- В дорогу с рассветом, Келбер?

На что тот презрительно хмыкнул.

- В дорогу? Нет, брат, мы остаёмся. И пока я не выясню, кто убил Гойда, от нас вы не избавитесь! За жильё и еду моим людям я заплачу. А мне за всё заплатит тот, кто совершил это подлое преступление.

Таргон так и замер с открытым ртом. Позже спохватившись, кивнул. Келбер, усмехнувшись, вновь устоялся на догорающий костер, и больше не проронил ни слова.

Темира же обрадованно улыбнулась, тут же ощутив... Вскинув голову, она поняла, что Анриш смотрит прямо на

неё и на губах его плещется полуулыбка. «Нашёл» - послышался ей его голос, не громче, чем шелест ветра, и тут же их вновь накрыло с головой странным чувственным видением...

Лёгкая ткань льняного платья легко соскользнула с белых плеч, тут же накрытых сильными натруженными ладонями. Нежно, очень нежно пальцы спускаются на спину, гладят жаждущую прикосновений кожу, выводя на ней невидимые узоры, а губы впиваются в тонкую шею, и страстное дыхание касается горящего уха. Поистине божественные ощущения, особенно в предвкушении чего-то большего, что вот-вот должно произойти.

- Люблю... - Сдавленно шепчет такой желанный, родной голос, и девушка верит, знает, что это не ложь, и ей не терпится прошептать то же в ответ...

- Темира! – Недовольный голос Верховной Матери вернул её в реальность, рассеяв иллюзию момента.

Анриш всё так же смотрел на неё, словно готовясь в любой момент сорваться с места, и повторить всё то, что происходило в видении. От этого девушке стало не по себе, и она поспешила отвернуться, не заметив, что взгляд Мелиссы, обращённый к парню, напротив, стал более пристальным, а улыбка ехидной. Но Темире сейчас было не до того. Она спешила уйти прочь, чтобы спрятать ото всех, и от себя в первую очередь то, что казалось ей сейчас слишком нереальным. Её чувства к этому парню, которого она видела второй раз за

жизнь и день. И видения, в которых они были непозволительно близки, словно любили друг друга целую вечность.

На сеновале постоянного двора, куда временно на постой определили Анриша и других воинов, было прохладно, но сухо и чисто. Душистое сено пахло прошедшим летом, а потому сладкая дрёма настигла почти всех с головой, но сын старейшины и Ян долго ворочались, размышляя каждый о своём, о прошедшем дне, тяжёлом и насыщенном. Мечи они держали при себе, и спали в одежде, вполне готовые к тяготам походных условий, тем более что находились не на своей территории. Да ещё этот случай с Гойдом, до сих пор леденящий суровые мужские сердца своей неожиданностью...

- Анриш. – Позвал друга Ян тихим шепотом, чтобы ненароком не разбудить, если тот успел задремать.

Ян был скорее ему старшим братом, разница в пять лет накладывала свой отпечаток на их дружбу. Когда юнца Анриша – сына старейшины - подсунули ему в качестве ученика, гневу Яна не было предела. Уже тогда он считался одним из лучших воинов, и тратить время на какого-то сопляка, пусть и с родословной, он не желал. Но вскоре и сам привязался к своему подопечному, Анриш был послушен и молчалив, и в отличие от его друзей-ровесников, часами мог выслушивать бахвальные речи Яна в свою же честь. Они выросли вместе, из мальчишек постепенно превращаясь в мужчин. И до сих пор секретов друг от друга у них не было.

- Не спится? – Усмехнулся Анриш, вероятно решив, что тот встревожен из-за Гойда. – Ты когда-нибудь раньше видел, чтобы мертвецы нападали на живых?

- Конечно. – Спокойно отозвался тот со знанием дела. – Помню, годов пять мне было, когда мамка, закутав меня в свою шаль, куда-то тянула ночью, сквозь лес, держа в руках горящий факел. А за нами, треща подгнившими костями, гнались мертвецы. Это ж не сложно – оживить мёртвое тело, если знать, как оно правильно. Только наблюдать жутко. Мертвяки были с местного кладбища. Хоронили-то их в разное время, а вылезли все в одно. Говорят, после этого их и начали сжигать.

Анриш, представив подобное зрелище, содрогнулся. Ну и тема на ночь глядя. Тьфу ты.

- И кто же их оживил? – Спросил по наитию Анриш, сам не желая того знать.

- Ведьма одна. – Всё так же спокойно продолжал Ян. – Обидел её кто-то из местных. Вот и отомстила она, натравив на нас мертвяков. Но не о том я хотел, брат, а вот о чём. Скажи, ты видел её?

Не сразу дошёл до Анриша смысл этих слов. А как дошёл, первым делом ревность кольнула его под ребро. Уж, не о Темире ли Ян завёл речь?

- А может и видел. – Сухо произнёс он, напрягшись. – Да только кого?

В полутьме лицо Яна выглядело глуповато-мечтательным.

Впервые видел его Анриш таким, удивляясь переменам, произошедшим с его другом. Но Ян, словно ничего не замечал, уставившись в одну точку и улыбаясь.

- Жрица. Одна из тех, что были на обряде... Длиннее светлые волосы, тонкий стан, а глаза... глаза...

Он едва не замурлыкал, вероятно, в тысячный раз прокручивая в своей голове образ понравившейся ему девы.

- Что – глаза? – Брови Анриша уже сошлись к переносице, в памяти вспыхнули зелёные омуты глаз Темиры, и если Ян...

-Голубые, как небо... Небо в самый солнечный день лета...

Анриш выдохнул с облегчением. Небо так небо. Главное, без примеси свежей листвы Травеня.

- Как звать-то её? – Уже успокоившись, спросил сын старейшины.

-Пока не знаю. – Пожевывая сухую травинку, ответил его друг. – Но завтра я обязательно выясню.

Он замолчал, и Анриш не видел смысла продолжать разговор. Пусть Ян засыпает, мечтая о той, чьё имя пока не было известно. Ему тоже было о ком помечтать, и её имя, случайно услышанное им от бабки, сладкой горошиной каталось во рту всё это время.

«Темира». Ему так хотелось произнести его вслух, обратившись к самой хозяйке этого имени. Заглянуть в зелень глаз, коснуться серебра волос и узнать, что за видения гре-

зятся ему каждый раз, стоит лишь их взглядам соприкоснуться...

Темире вновь не спалось, только на этот раз не страх стал виной этому. Все её мысли были поглощены Анришем, его серыми глазами и сильными руками. Неужели это произошло с ней? И она влюбилась в чужака, что появился в её жизни лишь благодаря страшной находке в виде мертвеца в речке Русянке.

Конечно, появился – громко сказано. День, может два, и его отряд покинет их селение, и они никогда более не увидятся. И Темира тогда продолжит своё скучное существование. А потом... В лучшем случае, она так и останется жрицей Селены. В худшем, её выдадут замуж за одного из тех безвольных парней лунного поселения, что с детства привыкли быть в подчинении у женщин.

Она тяжело вздохнула, прислушиваясь к мерному дыханию своей бабушки, как делала всегда, искренне переживая за её здоровье – увы, молодость осталась далеко позади. Но та вдруг заговорила, заставив Темиру вздрогнуть от неожиданности.

- Не вздыхай, девонька. Не один из них не стоит твоих переживаний да бессонных ночей. Спи, завтра рано вставать.

- О чём это ты, бабушка? – Хорошо, что в темноте не было видно, как покраснели от смущения её щёки.

- А о том молодце, с которым ты давеча в гляделки играла.

Темира хихикнула, так смешно прозвучали слова её бабки в темноте комнаты. А ещё говорит, что видеть плохо стала, старость...

- Перестань, бабушка! – Попыталась отмахнуться она. - Неужто на меня кто позарится? Мимо он смотрел, мимо! Окрестности изучал...

- А то! – Хмыкнула Аркела. – Прилип вчера к тебе глазами, как к кулю с золотом. Думала, душу вытащит, ан нет! Хорош, да. Молод только слишком. Тебе б обжитого, да с хозяйством и слугами...

- Бабушка! – Возмутилась Темира, а саму аж заколотило от приятного блаженства. Значит, смотрел... даже бабка заметила. Значит, не показалось ей...

- А что, дело говорю. – А дальше послышался вполне ожидаемый всхлип. – Мамка-то твоя, защити Селена её душу, таки счастья не узнала. Любовь... О ней ли думать надо? Вот скотина, да хозяйство...

Но о таких глупостях Темира точно размышлять не хотела. Она притворилась, что засыпает, а у самой на губах теплилась улыбка.

«Анриш» - прошептала она, словно имя это согревало её солнечным теплом. Хотя, должно быть, так оно и было.

Лунные камни – осколки сердца Селены, едва заметно мерцали в ночи, под ногами, и Темира подбирала их, складывая в свою холщовую сумку, прикреплённую к поясу.

Она была не одна – другие девушки занимались тем же, как и сотни раз до этого. Жрицы Луны с трепетом относились к своей обязанности. Ведь их предназначением было собрать лунное сердце воедино, и тогда Селена, смиловившись, вернулась бы к своим дочерям, чтобы в благодарность за это подарить им свою любовь и заботу.

Но чувство тревоги, зародившееся в груди, не давало ей спокойно работать. Близость леса не успокаивала, в темноте деревья казались чёрными великанами с длинными жилистыми руками, скрипящими на ветру, а уханье сов лишь добавляло тревоги.

Устав, Темира остановилась передохнуть, но тут же заметила знакомый силуэт между двух ближайших сосен. Парень, подбооченившись, стоял в тишине, наблюдая за ней, чуть склонив голову на бок. Сердце девушки возликовало, а к лицу прилило знакомое смущение. Это был Анриш.

Он помахал ей рукой, и Темира машинально оглянулась. Другие девушки разбрелись и вовсе исчезли из вида, и можно было сказать, что они остались здесь вдвоём.

Анриш ещё раз махнул ей, словно подзывая, и, вопреки

благоразумию, жрица сделала шаг навстречу. Но стоило ей сделать этот шаг, как она оказалась рядом, даже слишком – молодой охотник уже держал её за плечи, обнимая.

Сердце Темиры бешено застучало в груди, она боялась, но жаждала этих объятий, и почти осмелела, подняв глаза на лицо Анриша...

Но это был не Анриш. Темира было дёрнулась, но ещё секунду назад нежные пальцы стиснули её плечи до боли, впившись в нежную кожу девушки. Покрытые мутной пеленой мёртвые глаза уставились на неё невидящими зрачками, а синие губы, растрескавшиеся от сухости, кровожадно прошептали:

- Отдай моё сердце, ведьма!

Темира вскочила, хватая воздух пересохшим ртом. Гойд. Неужели теперь он будет преследовать её во снах, раз тело его стало пеплом, и было развеяно по ветру?

Она долго не могла отдышаться, обняв себя руками, пытаюсь унять дрожь. Первые лучи рассвета лениво пробрались в комнату. Дверь скрипнула, и в комнату вошла бабушка, неся дрова. В печке уже догорали угли, и добавка к пище огню была как нельзя кстати.

- Темира, хворост заканчивается, надо бы принести...

Та машинально кивнула, тут же припомнив обстоятельства, при которых она обнаружила тело Гойда в воде. Хворост, в тот день она должна была принести хворост.

Деваться было некуда. Молча встав, умывшись и приведя себя в порядок, девушка вышла за дверь и отправилась в лес.

Солнце ласково щекало макушки деревьев, и день обещал быть тёплым. Припозднившаяся мошकारа плясала в воздухе, то замирая, то вновь оживая, перемещаясь с места на место. Однако утренний воздух был зябким, и Темира поёжилась, но продолжила свой путь.

Работа отвлекла её от скорбных мыслей, и она с удовольствием размялась, собирая веточку к веточке, укладывая вязанку так, чтобы та не развалилась по дороге до дома. Она почти успокоилась, но, уже возвращаясь, вновь завидела то

место, где в прошлый раз решила напиться водицы и наткнулась на мертвеца. Оно словно притягивало её, и Темира шаг за шагом приблизилась к берегу, чтобы вновь заглянуть в бегущие воды Русянки, чтобы...

Страх её был напрасен. Дно, усеянное мелкими камнями да редкие рыбешки, едва заметные в воде, скользили по течению без устали. Высмотрев всё, Темира, было, облегчённо вздохнула. Но голос, раздавшийся позади, заставил её подскочить на месте.

- Уж не совесть ли тебя гложет, красавица?

Старейшина солнечных смотрел на неё так, будто Темира была виновата во всех бедах этого мира. Она испуганно отшатнулась, но Келбер схватил её за плечо, грубо сжав его.

- Отвечай, ведьма, кто убил Гойда? Ты?!

Темира попыталась вырваться, но куда ей было тягаться с мужчиной!

- Нет! – Закричала она. – Пустите! Пустите меня!

Но налитые беспричинной яростью глаза старейшины не сулили девушке ничего хорошего.

Стиснув плечо девушки ещё сильнее, он потянул её к себе, чтобы приблизить лицо Темиры к своему.

- Тогда кто?! – Зашипел он, глядя ей прямо в глаза. – Скажи мне, иначе...

Вихревая волна синего цвета хлестанула его по лицу, и от неожиданности Келбер ослабил хватку, отшвырнув Темиру в сторону. Девушка не удержалась на ногах, больно шлёпнув-

шись на песок и камни, но с облегчением краем глаза увидела ту, что пришла к ней на помощь.

Мелисса неторопливо и очень уверенно приближалась к ним, поигрывая синим пламенем, исходявшим с ладоней Верховной Матери. А натянутая улыбка была обращена к старейшине солнечных, Темиру же она одарила лишь мимолётным снисходительным взглядом.

- Оставь девочку в покое, Келбер! Не нужно гневить Селену, ты же знаешь, она защитит своих дочерей, и накажет виновных со всей глубиной пустоты в своей груди! Ведь у неё нет сердца!

По лицу старейшины растекался алый кровоподтёк, но мужчину он не волновал. Хотя испуганным он не выглядел, скорее, разочарованным.

- Темира, девочка моя, тебе пора. – Мягко произнесла Мать, и девушка, успев к тому моменту подняться на ноги, лишь коротко кивнула, но мешкала, не решаясь уйти – мало ли, какая опасность грозит её наставнице в присутствии этого мужчины.

Мелисса же, правильно расценив её замешательство, лишь обнадёженно улыбнулась, сверкнув белыми жемчужными зубами:

- Не волнуйся за меня. Я справлюсь.

Келбер не вмешивался, провожая торопливо удирающую Темиру взглядом. А после обратился к терпеливо ожидающей его внимания Мелиссе.

- Ты следила за мной?

Белокурая женщина не спешила отвечать. Но после, вздохнув, призналась.

- Я засыпала в жаркой постели с тобой, а проснулась в холодном одиночестве. Нехорошо, Келбер. Я ведь могу и обидеться.

Тонкие длинные пальцы потянулись к лицу мужчины. Было видно, он сопротивляется этому разумом, но телом...

- Я не боюсь тебя, ведьма... - Приглушённый голос приобрёл хрипловатый оттенок, сдобренный прорывающейся через казавшуюся непоколебимой brutality страстью.

- А тебе и не меня надо бояться. – Коралловые уста жрицы потянулись к губам старейшины, и от жара, возникшего между ними, Келбер едва не потерял способность здраво мыслить.

Зарывав как зверь, Келбер грубо прижал её к себе, заглушая страсть поцелуем – большего сейчас получить не удастся. А вот ночью, при свете так любимой жрицами Луны... Мысли о теле женщины, которую он сейчас сжимал в объятиях, вытеснили все мысли, касающиеся расследования убийства Гойда, хотя он и рассчитывал сегодня получить ответы на некоторые вопросы. Но эта белокурая ведьма путала все его планы.

Сколько лет ей было? Явно не двадцать. И не тридцать. Келбер помнил её ещё с тех пор, как была жива его жена, и пагубная страсть к чёртовой жрице едва не сгубила их всех.

Но любовь к Вестине всё же возымела верх над порочной связью с Мелиссой – и только смерть любимой развязала ему руки и ширинку. И сколько он не зарекался, каждый раз эта ведьма умудрялась затаскивать его в свою постель.

Но не в сердце.

Так сколько ей?

На белом мраморном лице не было ни единой морщинки, даже самой крохотной. Умные синие глаза полыхали магией, и глаз красивее старейшина не видел, добровольно – почти добровольно утопая в них, и воскресая лишь затем, чтобы вновь утонуть.

Длинные белые волосы выющимися прядями стекали по спине водопадом, восхищая, благословляя своей красотой.

Надо было убираться от неё подальше, но Келбер не мог, хоть в том не признавался даже себе. И использовал любую возможность, когда бывал в поселении лунных, чтобы очередной раз насладится таким желанным телом.

Темира не оборачивалась, спустившись на бег, и даже тяжёлая вязанка хвороста, запрокинутая на спину и чувствительно ударяющая по спине при беге, не отвлекала её от цели убраться отсюда как можно скорее. Старейшина чужого клана напугал её чуть ли не больше, чем мертвец в воде. Оно и не удивительно, бабушка всегда повторяла ей: «бойся живых, а не мёртвых», хотя в случае с Гойдом это было и не совсем верно.

Да что ж за напасти такие свалились на её несчастную голову в последнее время? Проклятый мертвяк! Ведь это всё из-за него, и страх, что вьелся под кожу, и обвинения Келбера, несправедливые, обидные. Но кто станет слушать бедную девушку, если тому взбредёт в голову повесить всю вину на неё? И кто знает, каким будет за это наказание...

Но на этом злключения Темиры только начались. Из-за малинника на неё, ревя, выскочил медведь, свирепо разинув пасть, и девушка, оцепенев, застыла на месте, готовясь принять смерть как таковую. В глазах потемнело, и вся недолгая жизнь пронеслась перед глазами неразборчивыми картинками, но...

Лёгкий свист, раздавшийся в воздухе, заставил её пересмотреть ситуацию заново. Медведь взревел ещё сильнее, теперь уже от боли, потому как из правого глаза его торчала

тонкая изящная стрела, и к ним уже поспевал охотник, на ходу убирая лук и доставая короткий наточенный меч.

Это был Анриш, Темире не почудилось. То, как он бесстрашно бросился на страшного лесного зверя в одиночку, лишь ещё больше восхитило её, но полноценного боя не получилось. Медведь рухнул ещё до того, как молодой воин успел добежать до него – видимо, стрела вошла глубоко, и это его убило.

Тогда парень обратился к девушке, разом растеряв весь свой боевой пыл – казалось, разговор с той, что прочно укоренилась в его мыслях, был для него страшнее схватки с медведем.

- Ты в порядке? Он не поранил тебя?

Темира покачала головой, тоже смущаясь.

- Нет. Только напугал.

Девушка вдруг поняла, что вся дрожит. Зуб на зуб не попадал то ли от холода, то ли от пережитого страха.

Анриш тоже заметил это, и подошёл к ней, чтобы забрать охапку хвороста, закинув вязанку на своё крепкое плечо.

- Я сама справлюсь... - Пролепетала Темира, смущаясь ещё больше. – Правда, не надо...

- Я провожу тебя. – Не обращая на её возражения никакого внимания, сообщил он.

Ну, что же. Конечно, Темира была не против.

Идти в полном молчании было бы глупо, и вот, молодые люди, поборов стеснение, мало помалу разговорились.

Анриш рассказал Темире, что с тех пор как от лап медведя погиб один из его родных братьев, он без устали каждый день тренировался в стрельбе из лука. Ближний бой был опаснее, а зоркостью он обладал соколиной, что и доказала сейчас стрела, пущенная напрямик в глаз медведю. Но и мечом парень владел как надо, и Темира охотно ему верила. Правда, она сейчас готова была поверить во что угодно, в пол уха слушая рассказ молодого охотника, и целиком поглощённая его непосредственной близостью. Это было намного волшебнее тех видений, что она видела до этого. Его голос, глаза и руки – вот что беспокоило и притягивало её сейчас.

- А что ты делал в лесу в столь ранний час? – Спросила Темира, вспомнив, что так и не выяснила это обстоятельство.

- Я искал отца. Мне сказали, он давно покинул селение, но так и не вернулся. – Анриш в секунду помрачнел. – Не встречала его?

Неприятное предчувствие коснулось груди Темиры.

- А кто твой отец? Уж не ваш ли старейшина?

Вместо ответа охотник лишь коротко кивнул. Темире показалось это странным, будто он стыдился или не хотел признаваться в очевидном.

- На реке он, с Верховной Матерью. – Само собой, вдаваться в подробности девушка не стала. Хотя и не понравился ей этот Келбер, но Анришу-то он был отцом.

Молодой охотник вновь только кивнул, и вскоре они добрались до дома Темиры, у ворот которого их уже встречала

Аркела, хитро прищурившись и подбоченившись.
Оправданий было не избежать.

Парное молоко, взятой бабкой у соседки, было слишком вкусным, и Анриш не мог оторваться от глиняного кувшина, допив его содержимое почти полностью. И олады, и льняная каша только из печи, и пряники, купленные заботливой хозяйкой давеча на базаре. Всё было настолько необычным, по-домашнему простым и охотнику казалось, что вкуснее он ничего в жизни не пробовал.

Темира с интересом смотрела, как всё это помещается в одном человеке. Откуда же ей было знать, что аппетит молодых мужчин гораздо сильнее, чем у юных дев, и то было девушке чудно.

Бабушка же причитала и охала, совсем как тогда, когда Анриш вынес её драгоценную внучку на руках из Латрапиуса, спасая от живого трупа, напавшего на Темиру. А теперь вот медведь... Получается, этот молодец уже два раза позаботился о сохранности её девочки. И в благодарность она готова была кормить его хоть всю оставшуюся жизнь.

- Кушай, милоч, кушай. – То и дело между охами повторяла она. – Ой, какой молодой. Ой, какой справный. Кушай, красавец, кушай.

Анриш и не думал отказываться. Где он ещё так поест? И когда? Жизнь охотника предполагала постоянную добычу. А значит, мясо на углях, да жирная похлёбка, что успе-

ла поднадоесть. Здесь же была иная пища, приготовленная женскими руками. И для него это было чем-то особенным.

- А что отец говорит, надолго вы у нас? – Как бы между прочим спросила Аркела.

Анриш пожал плечами.

- Ничего не говорит. Только злится, да всех подозревает. – Признался охотник, но тут же боязливо сверкнул глазами – не лишнего ли сболтнул?

Но бабушку Темиры это не задело.

- А живёте-то где? Разместили?

- Сегодня разместят. – Анриш наконец-то решил распрощаться с молоком в глиняном кувшине, он вконец опустел.

- Оставайся у нас. – Словно невзначай продолжила Аркела. – Денег не возьму, по хозяйству подсобишь, да за внучкой моей присмотришь. – И чуть тише под нос себе прошептала. – А я за вами двумя, чтоб дел не наворотили.

Охотник непроизвольно взглянул на Темиру, пытаясь угадать её реакцию. Та была растерянна, и лишь испуганно хлопала длинными светлыми ресницами.

- Бабушка, ну как же, ведь комната-то у нас одна! – Залепетала девушка.

- Да уймись ты. – Монотонно промолвила бабушка, даже не глядя в сторону внучки, и тут же вновь переключилась на охотника. – Ну что, по рукам?

- Ага. Только я ещё с другом, он мне брат почти. Мы всегда вместе. – Проямлил Анриш, пытаясь скрыть радость от

того, что теперь будет лицезреть Темиру почаще.

- А ещё лучше. – Обрадовалась Аркела, косясь на внуку
– мол, вдвоём не останетесь. – Зови, но лишь одного.

Анриш кивнул, направляясь к двери.

Для него пока складывалось всё как нельзя лучше.

Ян нервно пережёвывал губы, подсматривая из-за забора за той, что пленила все его мысли со вчерашнего дня, и, казалось, успела выудить душу. Иначе зачем он так настойчиво искал с ней встречи?

Бессонная ночь точно поволока легла на воспалённые глаза, которые и в рваные обрывки ненастоящего сна желали видеть лишь её – синеглазую красавицу, чьи белые волосы сейчас были спрятаны под косынку, подобравшую их. В руках «белокурая лань», как окрестил про себя девушку Ян, держала плетёную корзину, в которую она собирала опавшие с дерева поздние яблоки.

О, как она была прекрасна! Тонкая, гибкая, грациозная... Как она наклонялась, как подбирала спелые плоды, белыми цепкими пальцами подхватывая по одному и, поднося их к глазам, визуально определяла, с гнильцой плод или нет.

Ян то потел, то его бросало в холод, но охотник знал одно: он жаждет заполучить эту красотку себе. Её тело манило его, и он уже хотел им обладать, но не только это прельщало парня в девушке. Кажется, он и в самом деле влюбился, ведь скажи она сейчас, чтоб он ждал, и он будет ждать сколько угодно. Да хоть целую вечность. Но вот, кажется, его присутствие за изгородью было раскрыто, но вместо того, чтобы испугаться, девушка изумлённо выгнула бровь.

Тогда Ян перестал прятаться, смело покинув своё укрытие, и дав изучить себя внимательному взгляду синих глаз. В конце концов, он был не из робких, и девушки бывало млели в его жарких объятиях, умоляя не покидать их. Но в этот раз он готов был даже пожертвовать своей свободой, лишь бы прекрасная незнакомка сама не погнала его прочь.

Но губы прелестницы медленно растянулись в недвусмысленной улыбке.

И Ян сделал ещё один шаг навстречу.

Промаявшись полдня с тушей медведя – доволоки такого до деревни, Анриш отправился на поиски Яна, но отыскать его так и не сумел. Доложив отцу о своей добыче, он взял часть себе – не обязана бабка Аркела кормить его, Анриша с детства учили, что мужчина должен быть добытчиком в семье, а добротному мясу всякий рад. Остальное – старейшине и братьям, как делал всегда, как велели законы охотничьей общины.

Уже вечерело, когда он, забрав вещи, коней - своего и Яна, направился к домику Темиры в надежде на встречу с девушкой, хоть одним глазком взглянуть на неё перед сном, перекинуться одним словечком. Но вскоре его догнал «потерянный» друг, цветущий как роза в разгар Травеня. На лице его сверкала такая мечтательная улыбка, что Анриш даже засомневался, а здоров ли тот.

- Сапфира. – Произнёс Ян. – Её зовут Сапфира.

И такое глупое лицо сделалось у него, что сын старейшины не смог сдержать весёлый смешок.

- Так ты о той синеглазке? А я уж подумал, ты заболел...

- Да. Да! Я болен, смертельно болен. Я сражён её красотой! Ты поймёшь меня, друг, когда влюбишься сам. А пока наслаждайся беззаботной жизнью свободного юнца.

На ум сразу же пришла Темира. А ведь и сам он недалеко

ушёл от помрачившегося рассудком по вине девушки друга. Разве что не мог он так красиво выражать свои чувства. Пока не мог.

- И ты не спросишь даже, куда мы идём?

- Это неважно. — Протянул Ян. — Главное, завтра меня ждёт свидание с Сапфирой. И рай, никому доселе неизвестный...

- Совсем сдурел, старый! — Всё же рассмеялся Анриш.

Тот не возражал, продолжая глупо улыбаться.

Но сын старейшины вскоре последовал его примеру: у ворот их встречала Темира, зябко кутаясь в свою тёплую накидку.

Девушка смущённо пыталась прятать глаза, лишь мельком коснувшись Яна взглядом. Но вскоре, осмелев, задержала взгляд на Анрише. Он же обеспокоенно двинулся ей навстречу.

- Темира? Что случилось?

- Вот. – Жрица протянула ему тёплые одеяла из овечьих шкур, сложенные в несколько раз. – Бабушка уже спит, а я не знала, вернёшься ли...

Ему показалось, или страх разочарования промелькнул в её голосе? Значит, она боялась, что он не вернётся?

- Не стоило беспокоиться. – Принимая подарок из желанных рук, проговорил охотник. – Мы привыкли к неудобствам. Но всё равно спасибо.

Темира улыбнулась, вмиг покраснев. Хорошо, что было уже темно, и это оказалось не слишком заметно. Они ещё какое-то время молчали, но вскоре девушка сделала вид, что торопится, не в силах больше бороться со странным волнением, что возникало, едва в поле зрения оказывался Анриш.

- Мне пора. Сеновал там. – Она небрежно махнула рукой в сторону одной из построек двора, и поспешила скрыться в доме.

Анриш же какое-то время молча смотрел ей в след, после на закрывшуюся дверь, отчего настала очередь Яна усме-

хаться.

- Я что-то пропустил? – Заметил он, разворачивая друга за плечо по направлению к сеновалу. – Это ведь та самая девица, что...

- Её зовут Темира. – Перебил его Анриш. – И только посмей посмотреть на неё...

- Понял-понял! – Примирительно воскликнул Ян. – Наш малыш, кажется, всё-таки умудрился влюбиться?

Анриш не отрицал, лишь сдержанно улыбнувшись в ответ. Зная друга и его славу относительно разбитых девичьих сердец, он просто обязан был заранее предупредить его и обезопасить тем самым Темиру. Пусть пялится на свою синеглазку. А здесь ему ловить нечего.

Но Ян тут же забыл о ней, опять увязнув в своих мечтах относительно Сапфиры.

«Ну что же, это к лучшему» - подумал Анриш, окончательно успокоившись.

Пора бы на отдых. Сон так и валил его с ног.

Лунный амулет, висящий на шее Темиры, заискрился приглушённым светом, налившись тяжестью, и она машинально схватилась за него рукой. Так призывала своих жриц Верховная Мать, и девушка, накинув свой балахон, вышла в ночь.

Раньше она никогда не боялась темноты, но в свете последних событий её воображение играло с ней злую шутку, везде то и дело мерещились мертвецы, и тени преследовали её повсюду.

Амулет становился холодным, да просто ледяным, словно на грудь девушке положили кусочек льда, и Темира, стараясь не думать о страхах, прибавила шага.

На поляну со всех сторон подтягивались другие жрицы, а Верховная Мать, словно изваяние, застыв в одной позе, ждала их всех. Она была явно недовольна, а потому никто не хотел к ней приближаться слишком близко. И лишь одна Сапфира как всегда стояла рядом со своей покровительницей в расслабленной позе, и улыбалась своей задумчивой улыбкой.

Темире она никогда не нравилась. И не только потому, что считалась первой красавицей в их общине, затмевая своей красотой других девушек. Вечно держа что-то на уме, Сапфира всегда была немногословна. В её улыбках не было ничего приветливого, она могла не ответить и на приветствие,

если в том не испытывала своей надобности. Но Верховная Жрица выделяла её среди прочих, нарекая своей преемницей задолго до того момента, как Селена сама должна будет выбрать ту, что станет служить ей верой и правдой. Ту, что станет на голову, а то и две, выше остальных в силе магии, что одарит её небесная богиня.

Но если сюда и стоило приходить каждый раз по зову Верховной Матери, так это из-за красоты самого обряда. Темира, совсем недавно взятая в круг, как величали жрицы своё избранное магией общество, с интересом и благоговением изучала действо, участвуя в нём, исполняя свою небольшую роль наравне с другими.

Девушки в длинных мантиях становились полукругом, напротив своей предводительницы, что непрерывно читала заклинание, призывая Селену даровать им лунный свет, дабы они могли собрать её бесценное сердце, рассеянное по земле. И Луна, откликаясь, наполняла воздух вокруг своих почитательниц дивным серебром, танцующим вокруг них туманом искрящихся частиц света. И тут, оставляя жриц внутри себя, возникал он – Лунный Храм, стены которого появлялись прямо из воздуха, материализуясь в пространстве и времени, излучая синеватое магическое пламя, которое вскоре становилось спокойным, уходя вглубь прозрачного остова.

Верховная Мать возносила в ответ благодарение, а после обходила полукруг девушек, поднося к губам каждой небес-

ный нектар, похожий на солоноватое вино. Достаточно было сделать глоток, как голова шла кругом, и всё дальнейшее происходило словно во сне – прекрасном сне, возвышающем до небес на пике блаженства.

На какое-то время Темира выпадала из реальности, а потом, возвращаясь, находила себя в круге других жриц, взявшихся за руки, и в тот момент глаза их светились, совсем как у Верховной Матери, но во все времена. Их же магия проявлялась физически лишь в ночь Полнолуния, и Темира на самом деле не знала, как можно её использовать в другое время.

Вот и сегодня, казалось, обряд ещё только начался, но их сцепленные между собой руки говорили об обратном.

Вскоре, Верховная Мать, насыщенная магией, объявила, что все девушки могут идти по домам. Но приказала остаться лишь одной из них – Шанне, на что та, понутив голову, засемила к Мелиссе.

Небывалая лёгкость граничила в груди Темиры с непонятным грузом, чего раньше с девушкой не случалось. И она привычно потянулась к амулету Селены, висящему на шее, но...

Рука нащупала пустоту. Темиру как молнией ударило: его не было на месте! Видимо, шнурок развязался, лишив хозяйку драгоценной во всех смыслах вещицы. Но возвращаться в такую темень, одной, было жутко страшно. Но что она скажет Мелиссе, когда та обнаружит пропажу? Помешкав с

секунду, Темира всё же решила вернуться. Амулет должен быть замечен в лунном свете, так отыскать его проблем не будет. Или, по крайней мере, она попытается...

Но, почти настигнув нужного ей места, Темира услышала громкий шёпот наставницы.

- ... ты едва не лишила нас головы, дурная ты девка! Что если правда раскрылась бы?! Я сказала тебе прятать его подальше от берега, а ты? Преподнесла на подносе тем, кто хочет нас теперь уничтожить!

Шанна что-то пролепетала в ответ, но звук звонкой пощёчины заставил её умолкнуть.

Темира замерла, боясь обнаружить своё присутствие, ведь слова Верховной Матери относились... Ей даже верить в это было страшно. Но слишком уж очевидно они прозвучали: «прятать подальше от берега». А ведь тело Гойда она обнаружила именно там. Да и предводитель солнечных сказал, что не успокоится, пока не накажет виновных. А что, если...

- Ты должна понести наказание за свой проступок. – Сейчас Мелисса казалась спокойной, но это было обманом.

Она схватила несчастную Шанну за подбородок – та и без того была напугана, но, казалось, Верховной Матери было плевать.

Вначале её глаза вспыхнули знакомой синевой, затем и вся она начала источать яркий синий цвет, впрочем, как и Шанна. Только с той разницей, что свет, исходивший от несчастной жрицы, всё убывал, тогда как холодное пламя

Мелиссы увеличивалось в равной пропорции – она забирала у девушки магию, только что подаренную ей во время обряда Селены.

Вскоре Шанна упала на колени, кажется, вместе с магией потеряв остатки сил, и заплакала.

Мелисса же, довольно потирая руки, примирительно, но довольно-таки высокомерно произнесла:

- Не беспокойся, это всего лишь на один круг. Если, конечно, в следующий раз ты сделаешь всё, как надо.

- В следующий раз?! – Воскликнула Шанна, и Темира даже издали почувствовала, как напугана девушка. – Но, Верховная Мать, вы сказали, что это будет всего лишь раз! Всего раз, и не более! Я и так поплатилась слишком многим, когда совершила это...

Наигранный вздох.

- Это твоя ошибка, девочка моя. И если ты откажешься её исправлять... Ну что же, думаю круг будет потерян для тебя. Скажи, хочешь ли ты лишиться этого? А теперь убирайся с глаз моих!

И Шанна обреченно побрела в сторону дома.

От неожиданности услышанного Темира сделала шаг назад. Словно это ей угрожала Верховная Мать, словно это она должна была совершить что-то такое, отчего Шанна, кажется, окончательно потеряла дар речи...

Ветка звучно хрустнула под её ногой.

- Кто здесь?! – Тут же насторожилась Мелисса, и она за-

крутила головой в поисках того, кто мог подслушать и увидеть их разговор и расправу над Шанной.

Темире стало так жутко, что она едва не созналась во всём сразу, ноги так и норовили сделать шаг навстречу наставнице, но вдруг кто-то удержал её, одной рукой схватив за плечи, а другой зажав рот.

И поволок совсем в другую сторону, противоположную той, где с подозрением вглядываясь в темноту, стояла Мелисса.

Они бежали – Темира, и тот, кто её насильно удерживал. Но вскоре хватка ослабла, они остановились, и девушка резко развернулась, чтобы взглянуть в лицо человеку, что так бесцеремонно тащил её по ночному лесу.

- Анриш?! – Воскликнула она, едва различив знакомые черты лица, такие милые её сердцу. – Ты что, следил за мной?!

Её возмущение было не поддельным, и парень поспешил оправдаться:

- Нет! Я просто... - Он запнулся. - Я искал тебя.

- Искал?! – Искренне удивилась Темира. – Но зачем? Что-то с бабушкой?!

- Нет, она спит, я заглядывал в дом... Мне не спалось, и сделалось тревожно. – Признался охотник, ожидая реакции девушки. Но она молча ждала продолжения. – Я увидел, что ворота приоткрыты, и не знал, что подумать. И решил выяснить у тебя или у твоей бабушки. Но тебя не оказалось в доме...

- И ты отправился в лес на мои поиски?! – Казалось, Темира не верит ни единому его слову.

Анриш молча насупился, не зная, что ещё сказать. Но вскоре решил докопаться до истины.

- Лучше скажи, что там произошло? И почему ты прятался?

лась?

Настала очередь Темиры подбирать слова.

- Я была на обряде, посвящённом Селене. Знаешь, мы проводим его каждое Полнолуние. А после... Оказалось, я потеряла свой амулет, и, если не найду его, вероятно у меня будут проблемы...

Анриш помолчал, что-то обдумывая. А потом вдруг произнёс:

- Я слышал, они что-то говорили... Мелисса и эта девушка, насчёт проступка и наказания... Надеюсь, тебя это не касается?

В его голосе было столько настоящей заботы, что Темира устыдилась тому, что собирается соврать. Но, прикусив губу, всё же сделала это.

- Прости. Но я не расслышала, о чём они говорили. Просто не хотелось попасться на глаза Верховной Матери.

Кажется, Анриш поверил. И протянул ей руку, теперь добровольно предлагая принять помощь.

- Пойдём. Амулет отыщем утром, всё равно в темноте это сделать почти невозможно. Да к тому же Верховная Мать ещё может быть там.

Девушка осторожно приняла её, с содроганием ощущая, как переплетаются их пальцы, и его ладонь слегка сжала её, скорее непроизвольно, но оттого ощущения разбежались по телу тёплыми волнами счастья и едва намечавшегося желания чего-то большего.

Парень уверенно потянул Темиру за собой, будто это он вырос в этих краях и знал лес как свои пять пальцев. А она послушно последовала за ним, позволяя вести себя по давно изученным лесным тропам. По дороге ни тот, ни другая, не проронили ни слова, но на душе у обоих было так тепло и уютно, что слов вовсе не требовалось.

Добравшись до дома, им вовсе не хотелось расставаться. Но и стоять, державшись за руки, они тоже не могли – как-никак, Аркела могла проснуться в любую минуту, и расцеловать всё по своему. А им так не хотелось опошлять сей прекрасный миг беспочвенными подозрениями в чём-то недостойном. Но вот и настал миг прощаться, которого с трепетом и смущением ждали оба.

- Почему ты мне помогаешь и так заботаешься обо мне? – Тихо спросила Темира, осмелев, словно и впрямь не знала на то причины.

Знала, да хотела услышать подтверждение из уст того, кто с такой нежностью и печалью взирал на неё сейчас в свете огромной полной луны.

Но Анриш, похоже, не был пока готов к откровениям. Его освободившаяся ладонь очень робко поднялась вверх, осторожно, почти вскользь коснулась щеки Темиры, проведя подушечками пальцев по бархатной нежной коже, и тут же вернулась на место, не в силах пока подарить большего.

- Я волнуюсь за тебя. – Шёпотом ответил он. – Я...

Темира ждала его признания, вся превратившись в слух.

Но робость охотника перед девушкой взяла верх, и он лишь тихо добавил:

-... встретимся на рассвете. Нужно вернуть твой амулет, раз он тебе так дорог.

На этом они попрощались, Темира скользнула в дом, а Анриш вернулся на сеновал, где громким беззаботным храпом встретил его Ян.

В оставшейся тишине никто не заметил одинокую фигуру, что наблюдала за ними, оставаясь незримой в тени спящего дома. Когда молодые люди разошлись, она ещё какое-то время таилась тут, ожидая, что они могут передумать. Но этого не произошло, и лукавая улыбка растянулась на лице, словно шрам, обезобразивший не тело, но душу.

И из тени легко шагнула в темноту, окутавшую поселение, подсвечиваемое сейчас лишь холодным светом полной луны.

Благо, бабушка так и не заметила её ночного отсутствия, и спокойно спала, отвернувшись к стене и мерно похрапывая. Да и самой ей уже пора было в постель, ночь не бесконечна, а рассвет не за горами.

Темира разделась и забралась под теплое одеяло, пытается уснуть, но в голову навязчиво пробирались мысли о сегодняшних событиях, об Анрише, его небывалой заботе. Касание взглядов и рук, и девушка не знала, от чего её сердце заходится больше, но чувствовала, что чем дальше движется время, тем больше она думает о молодом охотнике. И ей это нравилось.

Усталость брала своё, и вскоре сон сморил девушку, окунув в свои объятия как в море, и она забылась в нём, блаженно расслабляясь.

Огонь отбрасывал тени, вытанцовывая на потрескивающих поленьях свой завораживающий танец, и тёмный силуэт самого желанного мужчины на свете подрагивал на стене, пока тот приближался.

Она истомилась в желании, ожидая его, но он более не томил её, понимая и испытывая то же самое желание, что и она.

Горячие губы запечатлели след на тонкой шее, возбуждая, обжигая ещё больше, а руки бескомпромиссно обхвати-

ли талию, притянув к себе. И вот уже её ноги обвили его тело, и оба почти задохнулись от неизлечимого желания обладать друг другом...

Темира заметалась на кровати, словно её выбросило из чертогов рая, в котором она только что была вместе с Анришем. Навь ли? Явь ли? Да всё равно. Всё, что она только что испытала, казалось таким реальным, что никогда до сего времени не испытанное ей наслаждение разливалось по тонким капиллярам огнём удовольствия. Словно и впрямь это произошло с ними. Словно, соединившись не только душами, но и телами, они стали мужем и женой.

И, сонно потянувшись, Темира решила, что пора вставать – скоро им с Анришем предстоял поход в лес, на поиски несчастного амулета. Если он, конечно, не передумал...

Анриш вскочил, словно его обдало волной блаженства – сон, это был просто сон, но какой реальный! Всё его тело пребывало в приятной неге, а безумная страсть, что бушевала в нём и сейчас, словно подначивала его бежать к девушке, дабы исполнить себя...

Но ведь это было безумием! Или впрямь говорят люди правду о лунных жрицах – ведьмы они, и...

«Нет». – Одёрнул себя охотник. – «Темира здесь не причём».

Это он, раз заглянув в её зелёные глаза, теперь желал её

вполне естественно. А оттого снились ему подобные сны. И да благословит их Рами, однажды они сбудутся наяву.

Анриш осмотрелся: Ян даже позы за ночь не поменял, хотя храп его стал чуть тише, чем ночью. Вот у кого был крепкий здоровый сон.

А ему надо было вставать, исполнять обещанное. Рассвет уже забрезжил за окошком, а значит скоро станет совсем светло, и труда найти амулет Темиры не будет. Если она, конечно же, знает, где его потеряла.

Келбер поднялся с кровати, не думая одеваться, и отхлебнул из бутылки горькой настойки, оставшейся с вечера. Белокурая Мелисса, казалось, ещё крепко спала, тоже обнажённая, и все её прелести были лишь слегка прикрыты длинными волосами, а потому соблазнительное тело уже манило к себе за очередными дарами плотского наслаждения. Да, вчера он был пьян, но это не помешало им полночи заниматься этим, с великим усердием доставляя друг другу небывалое наслаждение. И сейчас он уже подумывал повторить...

Но внезапно разозлился. Проклятая баба! Вместо того, чтобы заниматься делом, он не вылезает из постели этой ведьмы, теряя там остатки разума. А может она специально отвлекает его, чтобы он поменьше думал об убитом Гойде? И о более важной миссии, о которой лунной ведьме знать и вовсе не полагалось... Вполне реально. Хорошо хоть, ему хватило ума отправить гонца за жрецом Рами – похоже, без

его помощи здесь не обойтись. А Мелисса... Ну что же, он будет наслаждаться её телом пока на это есть силы и время.

Вот и сейчас белокурая бестия открыла глаза и, первым делом, сонно улыбнувшись, раздвинула стройные ноги, согнутые в коленях, и поманила его пальчиком. Знает, ведьма, что не в силах он противиться такому «приглашению».

И, зарывав, Келбер бросился в бой.

А всё остальное ещё подождёт...

Влажные от росы ноги жрицы и охотника упрямо шагали в сторону леса, по увядающей траве Вересеня, приминая и без того помятые временем года стебли.

Вчера, в темноте ночи да в магическом свете полной луны, Анриш и Темира были более раскрепощены. Сейчас же они просто шли рядом, боясь лишний раз взглянуть друг на друга, особенно после ночного видения-сна, даже не подозревая, что равно видели его оба.

Дойдя до поляны, на которой проводились обряды, посвящённые Селене, они остановились.

- Как выглядит амулет? – Спросил Анриш уже приступившею к поиску Темиру.

- Осколок лунного камня в виде сердца, заключённый в оправу. На кожаном шнурке, небольшой...

Анриш кивнул, и тоже начал искать драгоценную вещицу. Но поиски ничего не дали. Трава на поляне была жухлой, утоптанной, и найти маленький амулет оказалось сложнее, чем иголку в стоге сена. От досады Темира едва сдерживала слёзы, а Анриш принялся её успокаивать.

- Я не знаю, что теперь со мной будет! – Вдруг воскликнула она, и крупные слёзы покатались по почти детскому личику, такому милому, с редкими едва заметными веснушками. – Верховная Мать убьёт меня или выгонит из круга!

Анриш, повинувшись внезапному порыву, обнял её, вначале за плечи, потом, отважившись, прижал к себе всю, бормоча что-то успокаивающее. Девушка не сопротивлялась, два чувства боролись в ней – страха и невероятного притяжения к парню. Её никогда так прежде никто не обнимал.

От охотника пахло сеном, и даже в волосах запуталось несколько соломинок, ведь он спал на её же сеновале. Ей не хотелось их убирать, нарушать нежность и необычайность момента, и Темира очень осторожно, едва касаясь, обняла его в ответ. Ей нравилось чувствовать, как вздымается его грудь, прижимаясь к её груди, ладони нежно придерживают спину. Может быть, они простоят так вечность и никто не посмеет разлучить это хрупкое проявление странного взаимного притяжения?

Но разве могло быть всё так идеально?

И как гром среди ясного неба – Темира замерла, и словно почувствовав это, Анриш насторожился.

- Что с тобой? Ты вся дрожишь... - Спросил он, чуть отстраняясь, но девушка не могла говорить.

Будто потеряв дар речи, она протянула руку и указала пальцем на кусты, что проросли между деревьев, и Анриш, вначале не поняв, а потом, присмотревшись, и сам обомлел.

Среди веток, выделяясь на общем фоне бледным пятном, на них незрячими глазами смотрело белое лицо покойницы. Серый балахон, наполовину сползший с одного плеча девушки на землю, подсказал охотнику, что это – одна из жриц Се-

лены.

- Шанна. – Только и смогла произнести Темира пересохшим в мгновение ртом. – Это Шанна.

Анриш было сделал шаг в направлении того места, где застыв в страшной позе, на них смотрела мёртвая девушка, но Темира внезапно вцепилась в его руку:

- Нет! – Вскрикнула она, но тут же, испугавшись, понизила голос. – Пожалуйста, давай уйдём...

- Но, Темира, вдруг мы ещё можем ей помочь? ... - Попытался образумить девушку тот, но даже издалека было ясно – Шанне уже никто не поможет.

- Нет. – Жрица умоляюще сложила руки. – Пожалуйста. Мне страшно. Давай не будем подходить...

Анриш понимал, откуда взялся этот страх. Гойд. Его тоже обнаружила Темира, и после он преследовал её уже будучи мёртвым. Скорее всего, девушка боялась, что то же самое произойдёт и с Шанной.

Тогда охотник коротко кивнул и подал Темире руку.

- Всё хорошо. Пойдём к дому...

Возвращались они тоже молча, девушка то и дело тревожно оборачивалась назад, Анриш хмурился и мрачнел с каждой минутой. Но вот они добрались до поселения, и только тогда Темира заговорила:

- Ты же никому не скажешь, правда?

В её голосе было столько надежды, столько мольбы, что парень безоговорочно кивнул, прошептав:

- Никому. Даю слово.

Дома их встретила довольная Аркела и сонный Ян, сидящий за столом. Медвежье мясо было уже разделано, а из печки вкусно пахло томившейся похлёбкой. На столе же их ожидала гора сдобных пышек, да свежее коровье молоко.

- Темирушка! – Воскликнула бабушка, едва увидев свою внучку. – Да на тебе лица нет! Что стряслось?

Она уже начала косо посматривать в сторону Анриша, будто это он был виноват во внезапно приключившихся бедах Темиры, но девушка быстро спохватилась, натянув на лицо кислую улыбку.

-Нездоровится мне просто. – Соврала она, опуская глаза в пол. – Хотела набрать хвороста, да куда там! Мочи нет.

- А я не догадался! – Наигранно посетовал Анриш. – Сам только из леса. Подсобишь, Ян?

Было заметно, что тот, наблюдая за ними, не сильно верил вранью обоих. Но деликатно молчал, покрывая друга и его потенциальную подружку.

-Конечно, подсоблю! – Быстро отреагировал он. – Только дрова порублю, а там и за хворостом наведаться можно...

В его глазах играла смешинка, увидев которую, Темира покраснела, а Анриш попытался образумить друга одним только взглядом. И только старая Аркела не сводила обеспокоенных глаз с внучки, искренне не понимая, что могло произойти.

Темира тайком посматривала в окно на раздетого по пояс Анриша, умело орудующего топором, и краснела как свёкла – проклятье светлой кожи, поражаясь собственным мыслям. Несмотря на утреннюю прохладу, тот уже вспотел, то и дело утирая пот со лба, но работы не прекращал. Его тело, обычно облачённое в облегающую тунику да кожаный жилет, сейчас предстало перед девушкой в новом свете, и она даже закусила губу, боясь выдать вслух своё восхищение – бабушка, чуя неладное, всё ещё была начеку.

Темира думала, что и Анриш так увлечён работой, что не замечает её подглядываний. Но вот он, обернувшись, вдруг помахал ей рукой, и широко улыбнулся – Темира в тот миг поняла, что улыбки красивее она не видела. И, смутившись поначалу, помахала ему в ответ.

Ян тоже был здесь, и тоже раздет, но девушка лишь мельком взглянула на него разок – он её не прельщал. И хоть не хуже был сложен, чем Анриш, а может, и лучше, да глаза её то и дело возвращались к тому, к кому тянулось сердце.

К обеду оба охотника воротились домой, хвала богам, прикрывшись рубахами, иначе Темира искала бы место, куда можно приткнуть свой взгляд. Однако и она стала привыкать к присутствию мужчин в их доме.

Подав им в кринке воды, она уже спокойнее приняла бла-

годарность, и даже по привычке не юркнула в свой угол, а принялась помогать бабке накрывать на стол.

Однако почти всё оставшееся время за обедом она и Анриш молчали, в отличие от Аркелы и Яна. Вот уж кто был разговорчив и весел, и бабуля обсудила с ним всё от и до – и базарные сплетни, и пользу медвежьего мяса, а когда дело дошло до девиц на выданье, молодой охотник вновь расплылся в дурацкой мечтательной улыбке.

Но когда Аркела выслушала его хвалебную речь, посвящённую Сапфире, губы её скривились в циничной усмешке.

- Дурная девка. Вся в мать. Что ни день, то новый ухажёр. Один у нас, Пирсом звали, даже руки на себя наложил – так с ума сходил по ней. Ан нет, не её кровей оказался, змеища подколотная!

Ян нахмурил брови, но смолчал, а Анриш и Темира переглянулись – не сыскать бы скандала.

Но бабушка и сама поняла, что перегнула палку, и тут же смягчила голос.

- Я тебе вот что, Ян, скажу: держись от неё подальше. Ты парень хороший, а она... Не гляди, что яблочко спелО да белО. Сердцевинка-то гнилая. Отравишься...

На улице раздались голоса, и Темира тревожно взглянула на Анриша – а ну как началось и Шанну обнаружили, и бабка поспешно распахнула дверь, чтобы узнать, что стряслось.

- Убилась! Покалечилась! – Кричали сразу несколько женских голосов на перебой. – Горе нам, горе! Не уберегли!

Жрица! Одна из дочерей Селены мертва!

И Аркела выскочила из дома, чтобы узнать подробности страшной трагедии, а Ян поспешил за ней.

И лишь Темира нахмурилась больше, чем прежде, а Ан-риш ободряюще накрыл её сжатые в кулаки ладони, лежащие на столе, своими руками. И прошептал:

- Всё будет хорошо...

Вечер догорал как лучина, как огарок свечи в дрожащих руках Дочерей Селены, что неотрывно смотрели на одну из своих сестёр, навеки отдавшую душу своей серебряной богине.

Лицо Шанны было белым, спокойным, абсолютно ослабленным, словно она спала. В серых покрывалах, украшенных символами Луны, она выглядела совсем юной, безмятежной девочкой, и оттого делалось очень жутко.

Мелисса в окружении своих жриц стояла возле самого гроба, и лицо её было столь же бело, как и лицо покойницы. Она неотрывно смотрела немигающим взором на оставившую явь девушку, и что-то напряжённо обдумывала.

- Верховная Мать, - еле слышно обратилась к ней одна из жриц, по имени Динисса. – Как вы думаете, что с ней произошло?

Тишина. Тяжкий вздох.

- О, если бы я знала, почему Шанна решилась на такое. – В конце концов ответила она. – Самоубийство – страшный грех. А проститься с жизнью в столь юном возрасте по собственному желанию – вдвойне...

Темира, столь старательно опускающая глаза, словно против воли подняла их в тот миг на Мелиссу, чтобы встретить её прицельный взгляд. Да и её собственное возмущение не

укрылось от Верховной Матери – словно она знала, каким-то чудесным образом, что девушка слышала весь их разговор, и могла обвинить её в провоцировании смерти Шанны. Но страх перед Мелиссой сделал своё дело, и Темира так и не произнесла ни слова, вновь потупив взор.

Ещё какое-то время они стояли молча, а потом Верховная Мать велела отправляться всем по домам. Похороны будут завтра утром, а впереди у каждой из них тяжёлая ночь оплакивания усопшей сестры.

Все девушки направились к выходу из дома Шанны, и Темира замыкала их шествие, как вдруг Мелисса удержала её, схватив за руку. Девушка испуганно взглянула на неё, но та, кажется, даже наслаждалась её замешательством.

- Посмотри, Темира, что я нашла рядом с тем местом, где погибла несчастная Шанна.

И с этими словами в другой руке Верховной Матери блеснул медальон из лунного камня в оправе, на кожаном потертом шнурке. Сомнений не было, он принадлежал Темире.

Девушка машинально протянула руку, чтобы принять его, но Мелисса ловко отодвинула ладонь с амулетом в сторону.

-Будешь болтать лишнего – знай, и я молчать не стану...

Её угроза показалась Темире более чем реальной, и испугалась она не на шутку. Но в комнате показался Анриш, которого Аркела просто умоляла проводить её внучку, чтобы та опять куда-нибудь да не вляпалась, и он сам был совсем не против. Особенно в свете последних событий.

- Темира? Ты идёшь? – Хмурясь, спросил он, и вот, Мелисса уже всунув амулет в руку девушке, тут же потеряла к ней всякий интерес.

Теперь она с завидной ловкостью оказалась возле Анриша, как будто только и ждала момента.

На щёки его легли её ладони, и тут же заскользили по лицу, бессовестно лаская.

- Так вот ты какой, сын Келбера, не признала сразу... Хорош, хоть и зелен. А на отца совсем не похож. Глаза её, и скулы, и даже нос. Вестина – красавица как есть. Вот только разлучила нас не она, а ты...

Анриш опомнился, когда худые белые пальцы оплели его шею, слегка касаясь волос. Он схватил Мелиссу за руки, останавливая, и она, будто подчинившись, покорно улыбнулась, делая шаг назад.

-Темира, нам пора. – Громко обратился он к так и стоявшей с раскрытым ртом девушке, и протянул ей свою крепкую руку.

Потом, скосив глаза к безразличной ко всему происходящему покойнице, буквально вытащил из дома совершенно растерявшуюся Темиру.

Неловко было обоим. Анришу – от неприятных и совершенно бестактных прикосновений чужой женщины, да ещё на глазах той, что уже была ему не безразлична. Темире от всего увиденного и услышанного. Помимо страха, в груди ещё поселилась невесть откуда взявшееся жальщее чувство ревности. Да, она прекрасно видела, что Мелисса, потеряв всякое бесстыдство, бессовестно сама вешалась на молодого парня. Но, с другой стороны, куда ей было тягаться с такой опытной и во всех смыслах притягательной женщиной.

- Ты как? – Шмыгнув носом от вечерней прохлады, спросил Анриш.

Темира неопределённо качнула головой.

- Верховная Мать вернула мне амулет. Оказывается, всё это время он был у неё.

- Это же хорошо... да? – Неуверенно произнёс охотник, чувствуя совершенно иной настрой девушки.

Темира ответила не сразу.

- Она угрожала мне. Если я скажу о том, что слышала их последний разговор с Шанной... Мелисса может подставить меня, обвинив в причастности к её смерти! Но ведь это не правда, Анриш! Ты всё видел, мы же были тогда... вместе...

Последнее слово она произнесла в жутком стеснении, вновь почувствовав, как запылали щёки. Да что ж это та-

кое! И когда это прекратится...

- Так чего же ты боишься? – Анриш зашёл чуть вперёд, чтобы преградить ей путь. – Если понадобится, так и скажем: мы были вместе.

Девушка внимательно и напугано уставилась на него с открытым ртом:

- Ты же знаешь, в чём тебя тогда обвинят? Или нас...

-Знаю. – Усмехнулся парень.

- И тебя заставят на мне жениться! – Темире казалось, что она кричит. На деле же её слова были тихим шёпотом.

- Так я же и не против...

Вот теперь Темира совсем лишилась дара речи, едва не забыв захлопнуть рот. В тот миг её мысли потекли совсем по другому руслу, и она забыла и про Мелиссу с её коварными помыслами, и про мёртвую Шанну. Лишь Анриш со своим почти что признанием, и она, уже примеряющая в своих мечтах свадебное платье. Это всё, о чём она сейчас могла думать, разом позабыв о серьёзных насущных проблемах.

Но до конца не верилось, и она лишь смогла тихо прошептать:

- Зачем тебе это?

Теперь пришла очередь Анриша запинаться и краснеть. Благо, темнота опять выручила, а на внезапно возникший дефект его речи Темира не обратила никакого внимания.

- Нравишься ты мне. Очень нравишься.

Девушка закрыла глаза, чтобы проверить, не сон ли это.

Открыла. Не сон. Анриш стоял рядом, и надо было идти дальше. Но ноги сделались почти ватными от волнения.

Кажется, он ждал ответа. Но как ему было объяснить, что теперь он был постоянной неотъемлемой частью её мыслей? Ежесекундной, приятной, волнительной. Что она уже сходила с ума, представляя, как их тела сойдутся воедино и вместе они получают неизведанное доселе наслаждение, показанное ей в странных чувственных видениях?

И предпочла промолчать. Дойти оставалось совсем немного, и в такой недосказанной тишине они добрались до дома.

Анриш, казалось, загрустил, и Темира, понимая, почему, внутренне обругав себя последними словами, не прощаясь, поспешила в дом. Но перед самой дверью, собравшись с отвагой, окликнула его, уже собиравшегося уходить, и охотник замер в надежде, обернувшись.

- Ты мне тоже. Нравишься. – Тихо произнесла она, и стремглав бросилась в дом, чтобы не дай бог встретится сейчас с Анришем взглядом.

Тот же, разом повеселев, не собирався догонять её. Сегодня они и так много сказали друг другу, а впереди была ещё целая жизнь для слов и чего более приятного.

А сейчас нужно было идти спать.

Но планы Анриша на скорый сон были нарушены. Едва он зашёл на сеновал, то сразу же слышал громкие стоны и всхлипы, и поначалу схватился за меч, висящий на поясе, решив что друг в беде. Но вскоре понял, что на Яна никто не нападал, это он забавлялся с очередной подружкой – об этом кроме стонов свидетельствовали ещё и шлепки, издаваемые обнаженными телами.

И поспешил, пока его не заметили, выйти на улицу.

Смотреть на окна Темиры можно было бесконечно. Но, плотно занавешенные, они не пропускали ни света, ни тени, и Анриш мог лишь догадываться, чем занята его зазноба. Скорее всего, уже легла в постель, обняв свою подушку. Думала ли она о нём? Наверное, да. Поди же разбери, что у этих девчонок на уме! Но... Эта была особенной. Анриш был в этом уверен.

С сеновала всё громче доносились громкие возгласы, и, на миг испытав что-то вроде зависти, охотник отогнал это чувство прочь. С Темирой он так не хотел. Вернее, хотел, но не так, прячась по сеновалам да рискуя попасться на глаза другим. Сначала они произнесут клятвы перед богами, а уж потом, будучи законными мужем и женой, будут с полной страстью познавать друг друга, и вот тогда его никто не удержит.

Если, конечно, она согласится стать его женой.

Радужные мечты об их с Темирой будущем настойчиво сменило недавнее воспоминание о Верховной Матери. Что хотела от него эта женщина? Он ни слова не понял из её бессвязной речи. Что-то про отца, про него самого, и его мать, которую он никогда не видел.

Келбер не единожды с детства повторял ему, что он сильно похож на мать – сам старейшина был груб с лица, некрасив, но оттого и смотрелся более мужественно и сурово. Анриш же казался миловидным, черты его были мягкими, глаза большими, и оттого был не по нраву себе сам. Оставалось надеяться, что с возрастом это пройдёт, и он будет более похож на настоящего мужчину.

Но сейчас дело было не в этом. Мелисса будто обвинила его, но в чём? В том что она и его отец расстались? А были ли они вместе?

После смерти матери в постели у Келбера побывало столько шлюх, что Анриш бы вовек всех не запомнил. Неужто Верховная Мать лунных была одной из них?

Парень бы не удивился. Но, опять, если отцу вздумалось привести кого в дом в качестве новой жены, Анриш ему точно не стал бы помехой. Его бы он даже не спросил.

Так к чему были все эти обвинения?

Домыслить начатое ему не дала неугомонная парочка, что показала с сеновала. При виде старательно отводившего взгляд Анриша, Сапфира небрежно одёрнула юбку, изображая смущение. А вышедший вслед за ней Ян, по пояс голый,

весь в поту, лишь усмехнулся при виде друга, и довольно хлопнул его по плечу:

- Что ты здесь делаешь, брат? На звёзды никак любишь-ся?

- На звёзды. Любуюсь. – Поддакнул ему Анриш, скосив глаза на Сапфиру.

Ну да, в духе его друга. Красивая. Высокомерная. Расчетливая. Такие всегда нравились Яну, и никогда – ему.

Девушка в ответ тоже рассматривала его, словно прицениваясь. А кривая улыбка не сходила с её лица.

Ох, непроста, чуял Анриш. И оттого тоскливо сделалось на душе. Погубит она Яна, вон как глядит на неё, словно ничего и никого не замечает больше. Права была Аркела, нечего хорошего от неё ждать.

- Ты и есть тот самый сын старейшины? – Произнесла она чудесным голосом, должно быть, пытаясь произвести впечатление.

- Тот самый? – Удивился Анриш. А вот и особое вроде положение, да к нему оно мало было применимо. Никогда он не ощущал в себе превосходства над другими, тем более, над братьями по общине.

- Ян много рассказывал мне о тебе. – Продолжила Сапфира. – Любопытного.

- Не сомневаюсь. – Буркнул Анриш. Ему вовсе не хотелось любезничать с этой кралей, после их взаимного признания с маленькой и такой робкой Темирой в обоюдной симпа-

тии. Отчего-то Сапфира даже начала его раздражать. – Пойду-ка я спать, Ян. День был долгим.

Тот кивнул, обращаясь к девушке, и протягивая к ней руки.

- Я провожу тебя, любовь моя...

-Не стоит! – Быстро обрезала она его. – Вдруг, кто увидит, надумает себе чего...

Сапфира многозначительно глянула на друга своего любовника, но Ян тут же притянул её к себе, вновь сгорая от желания близости.

Анриш отвернулся, чтобы не смотреть на их поцелуй. Ему и впрямь очень хотелось спать, и едва его голова коснулась примятого сена, бездна снов поглотила его целиком и полностью.

Вязок туман над погостом, и в рассветный час чего только не привидится. Вон там призрачные девы хохочут, танцуя свой танец. Чуть поодаль горбатая старуха идёт прямо по надгробным камням, шаркая своей деревянной клюкой, да что-то приговаривая беззубым ртом, словно кликая беду. А ворон вторит ей, злорадно выкрикивая на своём гортанном языке: «кар-ра кар-ра вам, смертные! Кар-ра, кар-ра да будет каждому...»

Воображение злая штука. Особенно, когда страх пробирает до костей, пока ещё живых, да привязанных к плоти бессмертной душой. Но знаешь: настанет час, и ты обретёшь покой, молча да легко пребывая в чужих руках, несущих тебя к погребальной яме. И бояться, будут уже иные...

Темира медленно шла вместе с другими девушками, провожая в последний путь умершую сестру. Народу было много, а и как иначе? Быть жрицей Селены считалось у них в общине почётным званием, и почти все, от мала до велика, присутствовали сегодня здесь. Даже Сыны Солнца пожелали присутствовать на обряде захоронения, а потому так же молча шли вслед за стайкой жриц в серых мантиях.

Анриш глаз не спускал со своей зазнобы. Теперь он без труда отличал её от других девушек, пусть и одетых одинаково, но сердце врать не могло. Да и глаз тоже, уже выделяв-

ший невысокую хрупкую фигурку Темиры из прочих.

Как пройдёт сегодняшний день? Он не знал. Уверенности не было ни в чём. Но главное было не потерять её из виду. Никогда не потерять...

Темира, словно чувствуя его взгляд на себе, изредка оглядывалась, и едва их взгляды соприкасались, тут же отводила глаза.

Но так было спокойней обоим.

Гроб с Шанной поставили на тяжёлую лавку перед самой ямой, от которой веяло сыростью и тленом, но никто не посмел отвернуться или скривить нос. В стороне рыдала мать погибшей девушки, поддерживаемая кем-то из родных, но главной на обряде, как и полагалось, была Мелисса.

Её пение началось тихо, постепенно возрастая, и так печально, и в тоже время торжественно поднималось эхо над горизонтом, высокими деревьями, что проросли на кладбище много лет назад и теперь чередовались со старыми и свежими могилами.

«Отчего не сжигают они своих покойников, как мы?» - размышлял Анриш, скорее дивуясь разнице между их обрядами. – «И хоронят на рассвете, чтобы Селена, в очередной раз укрываясь от Рами в своих заоблачных далях, забрала душу одной из своих дочерей с собой».

Но о смерти думать вовсе не хотелось, и молодой охотник с радостью переключился на мысли о будущем. Слава богам, и Рами, и Селене, что жениться выходцам из разных общин

не запрещалось. То есть Сыны Солнца могли взять себе в жёны женщину из лунного поселения, даже жрицу, хотя та, дав своё согласие на замужество, теряла свой статус. Но многие шли на такие жертвы ради любви или просто выгодной партии. И он очень надеялся, что и Темира ему не откажет.

Пока он так размышлял, началось прощание с усопшей девушкой близких ей людей. Солнечных это не касалось, они всё так же стояли в стороне, отдавая дань памяти и выражая своё уважение к поселению лунных. А вот девушки-жрицы по цепочке начали подходить к гробу с Шанной, и, наклоняясь, что-то шептать ей в лицо – должно быть, слова прощания.

Когда дошла очередь Темиры, Анриш весь напрягся. «Да что может произойти?» - твердил его разум, но сердце подсказывало другое. Да ещё этот случай с Гойдом живо растревожил не думающую угасать свежую память. Он даже схватился за рукоять меча, предчувствуя беду. Вот она подошла, склонилась над покойницей, прошептала заветные слова, и уже почти подняла голову, и...

Девушки закричали, бросившись в рассыпную от гроба. Анриш же в два прыжка оказался рядом, схватив упавшую на грудь мёртвой Шанны Темиру, пытаясь поднять её.

Но хватка покойницы оказалась сильнее.

Мрачное предчувствие мучало Темиру от дома до самого погоста, и не оставляло ни на минуту. Она шла, как во сне, оглядываясь по сторонам, и только присутствие Анриша успокаивало её, как мягкая колыбель младенца, вынутого из рук матери.

Он был рядом. А значит, защитит. Укроет. Спасёт.

Отчего эти мысли посещали её голову с самого утра, Темира не знала. Ранним утром за ней зашли другие жрицы, чтобы всем вместе проводить в последний путь несчастную Шанну, покончившую с собой.

Так говорила Мелисса.

Но Темира ей не верила. Вот несколько.

Прощание затягивалось, и ей хотелось быстрее уйти, не видеть и не чувствовать мрачного холода казавшегося зловещим кладбища. И хоть от людей сегодня здесь было не протолкнуться, было невероятно некомфортно, и очень страшно.

К прощанию с Шанной Темира готовилась, как могла. Это было жутко – склониться к покойнице, прошептать ей в лицо, что она прощена, и ничто не держит её на грешной земле, потому как чиста её душа как душа ангела. И вот, когда настала её очередь, девушка исполнила всё, что от неё требовалось. И уже собиралась уступить место следующей жрице,

как Шанна распахнула глаза.

И, обхватив её руками, вцепилась в спину, потянув на себя, роняя, а после удерживая.

- Не бойся меня. – Прошептала покойница ей на ухо. – Я должна показать тебе кое что...

- Не бойся меня. – Повторила Шанна, и отпустила Темиру.

Девушка резво поднялась, шарахнувшись от покойницы, и вдруг с ужасом осознала, что здесь, на кладбище, из живых она совершенно одна. Все в один миг куда-то исчезли. Все, даже Анриш. Привычный мир потерял свои яркие краски, будто враз его окунули в черно-белые тона, множество оттенков серого. И страх почти парализовал её. А потом голос разума прошептал: «беги!», и она не думала сопротивляться.

-Темира!

Голос Шанны заставил её остановиться, замереть. Всё существо девушки жаждало одного: оказаться отсюда как можно дальше. Но что-то мешало сделать ещё один шаг в сторону поселения. Не преграда, не стена... Чувство того, что покойница собирается сказать ей действительно что-то важное.

Темира медленно повернулась. Шанна не гналась за ней, а просто сидела в своём гробу, бледная, печальная, и ждала, когда та вернётся.

Пересилив себя, девушка повернула назад и, почти дойдя до мёртвой сестры, остановилась. Страх никуда не делся, но и любопытство пробирало её до костей.

- Ты должна знать. – Произнесла Шанна. – Я не хотела этого.

- Не хотела – чего? – С замиранием сердца спросила Темира.

- Подойди. – Покойница протянула бледную тонкую руку.
- Позволь показать.

Шанна, опустив глаза, начала развязывать шнурки на свободной рубахе, в которой её положили в гроб.

Темира же напряжённо ждала, следя за каждым движением усопшей сестры по клану. И вот рубаха оказалась распахнутой, и юная жрица в ужасе закрыла рот рукой, не в силах оторвать взгляда от представшего зрелища.

Грубый надрез во всю грудную клетку изуродовал некогда красивую грудь Шанны, и безобразная рана зияла неестественно раздвинутыми рёбрами и пустотой: сердца у девушки не было.

Слёзы против воли застлали глаза Темиры, она просто не могла сдерживаться, и не могла оторвать взгляда от страшной правды – Шанна не покончила собой, как утверждала Мелисса. Её убили, точно так же, как до этого убили Гойда.

- Расскажи им. – Спокойным голосом попросила Шанна.
– Она не остановится, пока не получит своё. Расскажи...

- Кто – она? – Не узнавая собственный голос, хриплый от слёз, произнесла живая девушка.

...Но руки покойницы разжалась, и Темира почувствова-

ла, как ударилась спиной в грудь Анриша, что всё это время пытался высвободить девушку из мёртвой хватки умершей жрицы.

Должно быть, для всех прошло совсем немного времени, всего лишь несколько секунд, потому как воины из клана солнечных, только приближались к ним, выхватив оружие из ножен.

Но Темира, не обращая ни на кого внимания, вновь бросилась к Шанне, чтобы откинув полог савана, вцепиться в её рубашку и с треском порвать тонкую ситцевую материю, потянув в разные стороны половинки воротника.

И замереть, узрев ужасающую истину: всё, что показала ей Шанна, оказалось правдой. Грудь несчастной была вспорота, а сердце похищено.

Среди людей началось настоящее волнение.

- Сердце... Где сердце...

Верховная мать попыталась пробраться к девушке, но Келбер преградил ей дорогу.

- Объяснишь, что здесь происходит, Мелисса? Второй труп с вырезанным сердцем! Тоже скажешь – случайность?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.